

РАССВЕТ НОВОЙ ЭПОХИ

ГАЛИНА ГРОМОВА

БУХТА НАДЕЖДЫ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Галина Громова

Рассвет новой эпохи

«Автор»

2020

Громова Г. А.

Рассвет новой эпохи / Г. А. Громова — «Автор», 2020

Заключительная книга серии Бухта надежды. У них нет Великой миссии, они не возвращаются с другого конца земного шара. Они просто выжили после Беды. И пытаются продолжать жить в новых для себя условиях. Содержит нецензурную брань.

© Громова Г. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

29 августа, Виктор Никитин, Казачинский гарнизон	6
Анна Митрофанова, санчасть Казачинского гарнизона	19
29 августа. Виктор Никитин, штаб Казачинского гарнизона	24
31 августа, Виктор Никитин, морг Казачинского гарнизона	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Галина Громова

Рассвет новой эпохи

.... Два солнца у меня на этом и прошлом свете, Их вместе собой укроет горько-сладкий дым.¹

¹ Гр. «Ария», «Закат», сл. М.Пушкина

29 августа, Виктор Никитин, Казачинский гарнизон

Над головой шумно хлопая крыльями, пролетела встревоженная чайка, издавая противные звуки, которые перепутать с другими было крайне сложно. Особенно для жителей приморских городов, для которых эти бело-серые птицы абсолютно не выбивались из повседневного пейзажа. Возможно кому-то, кто приезжал на море отдыхать, чайки, пикирующие с высоты и умело изменяющие траекторию движения у самой поверхности воды, были предзнаменованием отпуска и отдыха, но уж точно не для севастопольцев. Громкие и суетливые птицы отличались крайней наглостью и беспардонностью.

Кто-то вспугнул ее, пригравшуюся на выцветшем желтоватом камне, несущем на себе следы работы морской воды и ветров. Виктор еще и голову не успел повернуть, чтобы взглянуть, кто это там наверху встревожил птицу, а рука уже инстинктивно протянулась к тут же лежащему на плоском камне пистолету. Теперь без оружия никуда – даже на море, даже в сортир – и то с оружием. А то в случае чего как-то не коминьфо оказаться с мертвяком один на один со спущенными штанами и безоружным.

Пистолет, нагретый на солнце, даже немного обжег ладонь, ну да плевать... не велика печаль – на его основное предназначение это никак не повлияло. А вот разглядеть маячившую сверху фигуру было сложно – от яркого солнца, отражающегося тысячами бликами от спокойной глади воды, в глазах стояли просто темные пятна. Пока зрачок сфокусируется да зрение вернется, чтобы все детально рассмотреть, много времени уйти может, Виктор крепко зажмурился, а после начал часто-часто моргать.

– Кто там топчется сверху? – на всякий случай спросил он, наощупь снимая пистолет с предохранителя и вслушиваясь в окружающую обстановку, стараясь сквозь шум небольшого прибора расслышать хоть что-то, что могло бы идентифицироваться как опасность.

Конечно, ждать от мертвецов вежливости было чезэхресчур глупо, но и палить в стиле техасского рейнджера на условно безопасной территории тоже не хотелось. Еще не хватало подстрелить кого ненароком.

– Я это, Виктор Иванович. Ща спущусь! Драсте!

Голос этого «я» Виктор узнал сразу. Да тут и голоса знать не надо, одно только вечное «ща» выдавало своего хозяина с потрохами.

Бывший капитан бывшего районного отделения милиции города Севастополя вновь вернулся «макаров» на предохранитель, положил рядом и заботливо прикрыл шортами – нечего так греться. Вот отдохнул, называется. В кои-то веки хотел расслабиться, в море искупаться, кости старые погреть на солнце... Конечно, про «кости старые» капитан скривил душой, но кому не нравится после трудовых будней поваляться на теплом августовском пляже в Крыму? То-то же...

Слева зашуршали падающие камни. Виктор недовольно скривился. То ли от солнца, то ли от неуклюжести Максима, шестнадцатилетнего паренька, по иронии судьбы бывшего подопреваемого в убийстве, но после оправдания напросившегося в то ли отдельный отряд, то ли милицкий отдел... Кем считать их группу Виктор так и не определился. Вроде, и живут в гарнизоне, образовавшемся на территории 810 бригады морской пехоты да близлежащих территорий, и на довольствие поставлены, и оружие в принципе можно у жмотистого начтыла выбить, если посчастливится. С большим трудом, конечно, но можно. Но вот нередко их прямые обязанности разбавляются всем тем, что командование посчитает нужным. Словно и не менты они бывшие (хотя и говорят, что бывших ментов не бывает), а обыкновенные офицеры гарнизона, подневольные приказам старших по званию.

Наконец, Максим спустился и навис тенью над Виктором.

– Виктор Иваныч...

Мужчина поерзал немного, поудобнее располагаясь на кроссовках, подложенных под задницу – как-то не привык он сидеть на голых камнях, а никакой подстилки не взял с собой. Кроссачи уже были влажными, неприятно поскрипывали – вода с плавок намочила их, но это не представляло никакой проблемы. Минут двадцать на таком солнце и все высохнет мгновенно.

Возвышающаяся фигура уходить не собиралась, а только неуклюже перетаптывалась с одной ноги на другую. Виктор перевел взгляд с худых юношеских ног с выпирающими коленками вверх, где и имел честь лицезреть сгоревший на солнце и уже успевший отшелушиться нос нового сотрудника их отдела.

– Чего тебе?

– Там это... посыльный приходил. Вас в штаб выех дазывают.

– Срочно? – Максим в ответ лишь неопределенно пожал худощавыми плечами, успевшими сгореть и покрыться белесыми лоскутками кожи, дескать «может, и срочно, да кто его знает». – Значит, не срочно. А если не срочно, то зачем спешить?

Выросшие в тепле и неге солнечного юга, вообще не отличались поспешностью и торопливостью, напротив, выделялись некоей философской неспешностью и размеренностью, чем в свою очередь даже немного раздражали более северных соотечественников.

– Ну не знаю... – пацан привычно почесал нос и попытался даже поддеть отслаивающуюся кожу, чтобы снять ее, но без зеркала, только при помощи сошедшихся на переносице глаз это было сложно.

– Ну коль не знаешь, то иди отсюда, дай в тишине посидеть.

Виктор и так выбрал самый труднодоступный участок пляжа, куда вела только очень крутая тропинка меж скальных выступов берегового обрыва. Чтобы подальше от людной части, чтобы потише было да поспокойнее. Да не тут то было. Где-то закричал ребенок, Виктор сперва даже напрягся, готовый в любой момент схватиться за оружие, но затем крик сменился на залихватский хохот, а значит, ничего страшного не случилось.

– Так а что передать Зинаиде Максимовне? Это она мне сказала, где вас искать. Сказала, чтоб без вас не возвращался, волнуется, чтобы солнечный удар не случился. Солнце то вон как жарит, аж стоять горячо.

– Передай, что.... – Виктор задумался – врать вдове бывшего начальника, полковника милиции Смирнова, под чьим крылом служил Виктор еще в «мирное» время и под чьим началом оказался в «новое время», не хотелось. Обидится на вранье. Ведь не просто так Макса послала. День сегодня и впрямь жаркий, солнце припекает добротнo – камни такие горячие, что иной раз и становиться босой ногой больно, – ...приду скоро.

– Ну Вииктор Иваааныч! – заканючил Максим, изобразив на лице всю гамму эмоций, которые ему предстоит испытать перед рассерженной Зинаидой Михайловной, взявшей негласное материнское шефство над Виктором и другими проживающими под одной крышей парнями. – Давайте я вас подожду. – И не дожидаясь согласия, Максим тут же скинул вылинявшую майку-борцовку, обнажив загорелый мальчишечий торс, лишенный еще какой-либо свойственной мужчинам растительности. После чего стащил одетые на босу ногу такие же расхристанные кеды, державшиеся целыми только на «честном слове». Оставшись только в широких шортах, которые от малейшего ветерка раздувались как парашюты и грозились унести тощего пацана куда подальше.

– Ты почему без оружия? – лениво поинтересовался Виктор, переведя взгляд вновь на воду и кружащихся над ней крикливых чаек, не желая отрываться от эмпирического созерцания водной глади.

– Так мы ж в гарнизоне. Тут безопасно. Чего его все время таскать? – по-простецки беспечно ответил парень, отчего у Виктора зачесалась ладонь дать хлесткий подзатыльник.

– Макс, тебе как объяснить? Культурно или понятно?

– А че? – искренне удивился пацан. – Уже ж всю территорию проверили. Мертвяков нема.

– А ниче! Ты, может, не в курсе, но у нас тут мутанты водятся? И что мертвяки они не только из-за стены появиться могут. Поплохеет кому-то с сердцем, поставит он кеды в угол – и готов свежий покойничек. И пойдет он гулять по округе, а тут ты такой красивый...

– Да? Чет я не подумал...

– Вот когда доведется тебе убедиться в моей правоте, боюсь, что некогда тебе будет думать. Или нечем. Мутанты, говорят, башку могут одним ударом лапы оторвать.

– Че, правда?! – пацан плюхнулся на самый край камня и опустил полосатые от загара ноги в теплую воду, качающую зеленоватые водоросли, густо разросшиеся на камнях, и напминающие мягкий ковер.

– Кривда! – разозлился этим щенячьим восторгом Никитин. Вместо того, чтобы впечатлиться и задуматься, он лыбится как debil.

Пляж не был таким, как показывают рекламные буклеты островов Бали или Шри-Ланки, где белоснежные бескрайние просторы песка соседствуют с раскидистыми широколистными пальмами. Здесь были огромные валуны, торчащие из воды, с острыми краями, о которые можно было легко пораниться, плоские словно столы выгоревшие на солнце булыжники, на которых всегда располагались отдыхающие, словно ленивые пресытившиеся рыбой тюлени на лежбище. Камни поменьше, но от того не менее массивные, устилали весь пляж, заставляя аккуратно выбирать, куда поставить ногу при продвижении к воде. Камни шатались, скользили. Одно опрометчивое движение и привет вывих, а то и перелом. Но при всем при этом отсутствовал основной недостаток песчаных пляжей – мутная вода. Здесь вода была прозрачной и чистой даже в послеобеденное время, и можно было спокойно наблюдать стайки мелкой рыбёшки, шныряющей меж камней или деловито копошащегося в морском мху краба размером с мужскую ладонь. А если знать места, то можно было буквально за полчаса добыть ведро морских мидий, после чего наскоро обжарив на костре, слопать этот морской деликатес.

Местная пацанва за период летних каникул, которые теперь были короче, чем обычные, всего-то две недели, имела грандиозные планы по вылову морской продукции – крабов, рапанов, мидий ну и употребления ее здесь же. Пока дойдешь до полюбившегося места встретишь четыре-пять брошенных костровищ с обожжёнными камнями и горами раскрытых продолговатых раковин, с некогда перламутровым отливом, нынче поблекшем на жарком солнце. Ракушки от рапанов встречались редко – эти серые раковины, знакомые нам с детства, вечный сувенир, привезенный с юга, забирали для детворы. Та радовалась и слушала море, приложив подарок к уху.

Ведь сколько для счастья нужно малышне? Горсть ракушек, отполированные за года приливов и отливов бутылочные стеклышки, превратившиеся в самоцветы, раковина с шумом моря внутри... И куда оно все проходит с возрастом? Вся эта беззаботность и умение довольствоваться малым, искренне радуясь простым безделушкам?

Наверное, это и называется взрослеть...

– Хорошо здесь, да? – прервал раздумья Виктора Максим.

– Угу...

– Я это ... искупнусь пока. Вы не против?

– Если я скажу «против», это что-то изменит? – вопрос поставил паренька в тупик. Он несколько раз растерянно хлопнул глазами, вновь почесал нос, раздумывая, что же ответить, ибо при любом ответе он выставит себя дураком. – Иди уже...

– Ага! Я ща! – Максим радостно подскочил и принялся стаскивать топорщащиеся шорты, оставшись в ярко-салатовых растянутых семейках. Затем издав громогласное «Йу-ху!», Максим сиганул в воду, сразу же оказавшись по колено в воде и едва не поскользнувшись на заросшем зелеными, похожими на ковер, водорослями камне. Виктор наблюдал, как тот абсо-

лютно по-детски, поднимая веер брызг и широко размахивая руками для равновесия, пытался выбраться на глубину, пока не заметил, как закончился плоский камень, и не сиганул в воду с головой. Вынырнул он тут же, отфыркиваясь от воды и пытаясь резким движением головы отбросить налипшую на лоб прядь волос.

– Отдохнул, блин... – проворчал Виктор, проведя рукой по уже высохшим волосам, дотронувшись до оставшегося на всю жизнь шрама.

Пацану дай волю – он и до вечера будет плюхаться в воде, ныряя и шумно фыркая, выныривая, пока губы не приобретут синеватый оттенок, предостерегая от возможного переохлаждения.

Плавки так и не высохли, а идти три километра, что отделяли этот первобытный пляж и штаб в мокром не хотелось. Потому, абсолютно никого не стесняясь (да и особо не кого было, люди, пришедшие сюда на отдых, были на достаточном расстоянии, а если кто и ненароком заметит этот порыв эксгибиционизма, то невелика печаль) стянул плавки, выкрутил их и натянул шорты на голое чуть влажное тело, а кроссовки ... да и так пойдет.

Незаметно слинять не удалось – Максим, заметив, что начальство собирается, тут же заторопился к берегу, делая широкие, но неуклюжие гребки. Выскочил на берег, высоко поднимая ноги, несколько раз ударился о камни, судя по громким возгласам, но все же быстро впрыгнул в шорты и заторопился вслед за Виктором, не замечая, как на шортах расплывается мокрое пятно.

* * *

Обогнав идущих по обочине Виктора с Максимом, военный грузовик с откинутым тентом, обдал тех потоком воздуха и, взрывав движком еще сильнее, припустил вниз по склону, набирая даже немного опасную скорость.

– И чего так нестись? Пыль и так столбом стоит... – проворчал Виктор, остановившись, чтобы вытряхнуть попавший в кроссовок камешек. Тот никак не хотел вываливаться, поэтому пришлось, придерживаясь за тощее плечо спутника, снимать кроссовок и вытряхивать мешающий предмет.

Обочина была пыльная, заросшая уже успевшей выгореть на жарком солнце травой, торчащей теперь как солома во все стороны, отчего не занятые постройками участки территории принимали какой-то рыже-серый оттенок, с небольшими разноцветными вкраплениями полевых цветов и молодой поросли, пробивающейся у основания сухостоя.

Через дорогу в низинке, где возвышался старый бетонный забор, огораживающий спортивный стадион бригады морской пехоты, всю кипела работа – старый забор усиливался дополнительными блоками и опоясывался колючей проволокой по верху, создавая тем самым такие себе рубежи обороны.

Тут же, на столбах висели, словно аборигены солнечной Африки, несколько мужиков, которых сложно было спутать с кем-либо еще, судя по их темно-синим спецовкам и каскам.

– Линии что ли ремонтируют? – проговорил Виктор.

– Ага! Или сеть прокладывают. Я слышал, что хотят локалку прокинуть до Маяка. Круто будет, если вдруг серваки поднимут!

– Чего? – не сразу понял смысл сказанного Виктор. – Ты по-русски изъясняться в состоянии или солнце совсем башку напекло?

– А чего непонятно-то? Ща компьютерную сеть тянуть собираются.

– Зачем? Не в игрухи же играть.

– А почему бы и нет? Вещь полезная. Для связи опять-таки. Или там еще для чего...

– Так ты мне зубы-то не заговаривай, что там со штабом?

– Да откуда ж я знаю? – натужно улыбнулся Максим и пнул попавшийся под ноги камушек.

Мимо вновь проехал грузовик. Не так лихо, конечно, но пылью тоже обдало ощутимо. В носу тут же зашипало.

– Ты не придуривайся. А то я не знаю, что ты как тот Большой Уух – все слышишь, все знаешь.

– Не, ну этого, конечно, у меня не отнять, но Виктор Иванович, ну не знаю я, в чем дело. Я вообще спал, когда посыльный приходил.

– Тебе лишь бы дрыхнуть! Ладно, – обреченно махнул рукой Виктор. – Давай, срежем тут дорогу через спортплощадку, а то надоело пыль глотать.

– Ага! – радостно кивнул Макс и тут же перебежал на ту сторону дороги, обходящей широкой дугой по периметру всю воинскую часть, остановившись только для того, чтобы подождать неспешно переходившего командира. – Товарищ капитан, а можно вопрос?

– Можно Машку за ляжку, а у нас «разрешите», – пробурчал скорее для проформы Виктор. – Ну, чего тебе?

– А вы когда в город собираетесь выбирать? – Макс снова начал расчесывать свой облезающий нос. – Возьмите меня на дело!

– Чегооо? – едва не рассмеялся Виктор в ответ. – Какое еще дело, а? Рабинович ты мой доморощенный. Когда только успел блатняка нахвататься?

– Чего вы обзываетесь сразу? – обиделся подросток. – Я, между прочим, русский.

– От дурында. Это строчка из блатной песни – «...раз пошли на дело, я и Рабинович...». Понятно тебе?

– Понятно... – пробурчал недоверчиво Максим. – Так все же? Когда вы в город-то?

– А что? – с недоверием покосился на него Виктор. Дело в том, что пацан уже несколько раз просился «за периметр», при этом не говоря, для чего.

– Да просто...

– Просто даже мухи не сношаются. Ты уже не в первый раз спрашиваешь. Рассказывай, давай, зачем тебе в город. Нервишки пощекотать хочешь? Жизнь спокойная надоела? Что забыл там?

Парень замаялся, явно не желая отвечать на поставленные вопросы.

– Нууу, я ээээ...

– Вот когда разберешься и перестанешь экать – тогда и обращайся, а пока сидеть на базе и носа не высовывать. Иди учи...

– Что учить? – поникшим голосом переспросил мальчишка.

– Уголовный кодекс со всеми поправками и дополнениями! – не выдержал Виктор, направившись широким шагом вниз со склона как раз к тому месту, где всюду орудовал экскаватор, издавая рокот и выпуская из своего чрева вонючий дым переработанного топлива. – Здорово, мужики, дайте пройти!

Возле недостроенного забора всюду кипела жизнь, чего-то рыли, закапывали, бетонировали, устанавливали... В общем, внутренний периметр. Эдакий последний рубеж обороны, отстраивался весьма капитально.

Руководил всеми, судя по всему, маленький круглый мужичок в темно-синем комбинезоне, напоминающий персонажа из какого-то детского мультфильма. При том мужичок рулил так споро и шустро, что невозможно было его не зауважать. Обложив десятиэтажным матом работяг, возившихся возле забора, он переключился на экскаваторщика, что-то объясняя тому, пытаясь перекричать рычащий движок, и отчаянно жестикулируя. Некоторые жесты имели вполне себе международный статус, можно сказать даже были эдаким всем понятным языком общения в стиле «мальчик жестами объяснил, что его зовут Хуан».

Мужичок перестал махать короткими руками, полез в зажатую подмышкой черную папку, достал какие-то бумаги, вроде бы чертежи, и увлеченно начал их изучать, попутно поглядывая на окрестности. Явно сверял чертежи с реальным положением дел.

Вот воспользовавшись занятостью местного начальства Виктор и решил срезать путь.

– Эй, а куда это вы? – опешили от такой наглости работяги, еще не отошедшие от поучений собственного начальства, один из которых – худой, даже тощий с морщинистым лицом и в синем рабочем комбинезоне, одна лямка которого свисала с голого плеча, показался Виктору знакомым. Но вглядываться он не стал – не до того было, да и работяга как-то быстро отвернулся и принялся дальше что-то искать в ящике с инструментами, стоящим тут же, у его ног.

– Мы? Туда! – не останавливаясь и не обращая внимания на вопросы рабочих, прошагал Виктор через заделываемый разлом в стене. Если бы его не было – пришлось бы обходить всю стену по периметру, а так он срезал добрых несколько сотен метров. И быстро-быстро, пока никто не очухался от такой беспринципной наглости. Понятно, что можно было корочками помахать, права покачать, может, даже кому морды набить. Но зачем?

Виктор напоследок оглянулся, но показавшийся знакомым работяга уже во всю что-то мастерил возле забора.

– Что там? Знакомый ваш? – поинтересовался парень.

– Да вроде нет. – Пожал плечами Виктор, ловя на себе встречный взгляд того мужика. – Но почему-то.... Ладно.

Вслед ему никто не кинулся и останавливать не шибко-то и торопился, так что Виктор и шагающий чуть поодаль от него мальчишка беспрепятственно пересекли стадион со спортивными турниками и вышли около продовольственных складов, ангары которых своим серебристым покрытием создавали множество бликов на солнце. Справа от них виднелись боксы ремонтных мастерских десантно-штурмового батальона, ИДР² и САД-н³.

Чуть правее от спортплощадки виднелись два строения столовых, где питались все жители, поставленные на довольствие, а слева – медсанчасть, возле которой, развешенное на натянутых меж деревьев веревках, парусилось сохнувшее белье. На такой жаре даже огромной простыни чтобы просохнуть, достаточно было повисеть минут двадцать – только и успевай стирать да развешивать. Зимой, конечно, все будет по-другому. Высокая влажность, присущая морским побережьям, не даст быстро высохнуть белью, а уж если зарядит дождь...

Виктор снова глянул в сторону санчасти, где несла службу Анна Михайловна. Там царило какое-то оживление, шестеро ребят, явно из военных, быстро несли носилки с лежащими на них людьми. Кто это был, с такого расстояния видно не было, ни одной знакомой физиономии Виктор не увидел. Деревянные покрашенные синей краской двери, ведущие в санчасть, уже раскрывала выбежавшая санитарка.

– А что это там? – полюбопытствовал Максим, задержавшись на мгновение.

– Понятия не имею. Если что-то важное – на планерке сообщат.

Виктору даже показалось, что он увидел Аню, хоть они и не виделись с момента ее переезда с общего дома, где продолжали жить все, кто решил уйти вместе со Смирновым, лишь пару-тройку раз и то мельком, когда она приходила за новым удостоверением личности, которое выдавалось в дополнение к старому паспорту. О месте, куда она переселилась, он был не в курсе. Но из общих разговоров слышал, что подружившиеся Ксения, дочь покойного Сергея Сергеича, и Лера, сестра Максима, частенько бывают у Ани, живущей с приемной малюткой. Конечно, узнать эту информацию не составит особого труда – картотека с жителями расширенного гарнизона уже сформирована и хранится на компьютерах. Но пока Виктору это не

² ИДР – инженерно-десантный батальон

³ САД-н – самоходный артиллерийский дивизион

было нужно. Он поспешил свернуть правее, чтобы миновав столовые, выйти к плацу, а там – и к самому штабу.

– Кто конкретно в штабе за мной посылал?

– Рыжий такой сержант прибежал, с растопыренными ушами, – Макс для пушей убедительности показал те самые уши, которые послужили таким красочным ориентиром.

– Понял, о ком ты. Сержант Власенко, вроде бы. Интересно, что они там удумали?

– Не знаю, мне не докладывали, – буркнул мальчишка.

– Ладно, разберемся. Беги тогда домой, передай Зинаиде Максимовне, что ты задание выполнил и отконвоировал меня к штабу.

Слева, шурша метлой, прошелся мальчишка лет тринадцати. При этом метла, сделанная из обломанных веток многочисленного кустарника, росшего тут же на аллеях, была чуть ли не выше самого мальчишки. Но парнишка с ней справлялся весьма споро. К посильной работе были приставлены и стар и млад, но сейчас, в летнюю пору, ребяшня, как ей и полагалось, предпочитала всячески отлынивать от работы и валяться на пляже, удя рыбу, или ныряя за мидиями.

– А что насчет...

– Если ты опять про город, то лучше не начинай – нечего там детям делать.

– Ну так то дети, а то я!

– Ну тогда ты в полной мере должен понимать всю опасность.

– Я понимаю! – горячо заверил того мальчишка, даже головой кивнул для убедительности.

– И все-равно хочешь выбраться...

– Да.

– От идиот... – обреченно констатировал Виктор. – Ну ты хоть поясни, зачем...

– Я передам ваши слова Зинаиде Максимовне... – парнишка резко развернулся и рванул в сторону главного КПП.

– Ну не очень-то и хотелось, – пожал плечами Виктор.

* * *

В штабе царил завидная стабильность – и не скажешь, что за окном конец света произошел. В широком холле, отделанном коричневым мрамором в лучших традициях советского дизайна, в «аквариуме» сидел помощник дежурного – правда, за неимением рядового состава, который обычно эту функцию и выполнял, службу нес пятидесятилетний прапорщик явно из запасников. Этого дядьку Виктор визуально знал, а вот как зовут его, вспомнить так и не сподобился.

– Добрый день. У нас что-то намечается? А то меня с отдыха выдернули, сержант Власенко разыскивал.

– Здравия желаю! – привычно поздоровался дежурный, ни единым мускулом лица не выдав удивления, касательно внешнего вида капитана. – Вы вовремя, тащ капитан. Через тридцать пять минут, – прапорщик поднял глаза на невидимые Виктору настенные часы созвано совещание, так что вы вполне успеете вернуться.

– Вернуться? – не понял Никитин.

– Ну... да. – Многозначительно замолчал дежурный, всячески намекая, что Виктору не мешало бы переодеться, дабы не представлять пред начальством в столь неуставном виде. Да Виктор и сам уж об этом догадался, а тут как раз из штаба прогреготал берцами молодой мужчина в сером пятнистом камуфляже «ночной город», что обычно предпочитал «Беркут» или на худой конец ЧОПовцы.

С «беркутовцами» Никитин был вроде как знаком, но вот этого бойца среди них ранее замечено не было, но все-равно его лицо почему-то казалось знакомым. Что с памятью-то? То

работяга-электрик знакомым показался, теперь этот вот. По сводкам что ли раньше проходил или, может, просто мельком видел прежде?

Парень быстро расписался в журнале посещений, сдал заламинированный прямоугольник временного пропуска дежурному, попрощался и вышел из здания. Никитин опять почему-то задержал взгляд на обуви выходящего, после чего задумчиво перевел взгляд на свою расхристанную обувь. Непорядок... определенно.

Вспомнить, кто это был, удалось лишь после того, как Никитин из любопытства глянул фамилию, записанную на пожелтевших страницах казенного журнала, лежавшего по эту сторону стекла, за которым все так же скучал дежурный, усиленно пряча какую-то книжонку под рабочим журналом регистрации вызовов с КПП.

Капитан Никитин вспомнил человека, которой только что вышел из штаба, и почему тот казался ему знакомым – на совещаниях пару раз встречались, хоть и не были официально знакомы. На совещаниях вообще постоянно толпа народа крутилась, с которыми пора бы уже было перезнакомиться, да Виктору все было недосуг.

– Послушай, прапорщик, а это не тот Доронин, что в Голландии заправляет?

– Так точно, тот. – Развеял все сомнения дежурный.

– Хорошо, – кивнул Никитин и метнулся следом. Благо, Доронин не успел далеко уйти.

О командире Доронине, из-за которого пару месяцев назад едва не началась небольшая заварушка с соседями, после чего группа выживших, сплотившихся вокруг бойцов внутренних войск, охранявших учебный ядерный реактор при профильном институте в живописной бухточке с иноземным названием Голландия, сменила так сказать «подданство». А анклав выживших, сплотившийся вокруг 810 бригады морской пехоты, куда перебрался и сам Никитин, таким образом, приобрел еще один форпост на противоположном конце раскинувшегося вдоль изогнутой бухты города.

Начав размышлять об этом человеке, Виктор с удивлением для себя вспоминал все более новые подробности о нем. Через Зинаиду Максимовну, чей старший сын волею судьбы оказался едва ли не в центре всей той истории, слышал пару слов о Доронине. Сын покойного Смирнова был в полном восторге от своего командира и соловьем заливался в те редкие моменты, когда бывал в гостях.

Виктор догнал удаляющегося Доронина и окликнул его, тот обернулся и с немым вопросом взглянул на походящего быстрым шагом Никитина.

– Слушаю?

– Капитан Никитин, начальник местного отделения милиции. Ну или что-то типа того, – протянул руку для приветствия Виктор.

– Доронин, – протянул тот руку в ответ и крепко пожал. – Что-то вы не похожи на начальника.

– А, это? – Виктор опустил взгляд на шорты и кроссовки. – Новая форма. Ограниченный выпуск. Специальный летний вариант для командного состава.

– Неплохо, – раскатисто засмеялся Доронин, – а то вечером страшно берцы снимать, предварительно приходится открывать окна, дабы глаза не слезились.

– А здесь вы какими судьбами? – повернул разговор к интересующему его вопросу.

– О! Теперь верю по поводу должности.

– Так а все же?

– Да вот на поклон приходил, помощь небольшая нужна. Да и просто – выбраться во внешний мир. Я ж сам тутешний, чуть дальше в новых домах жил, ну в тех, что за тридцать-пятькой⁴.

– Вернуться хочешь?

⁴ 35 береговая батарея

– Абсолютно, – покачал головой Доронин. – Там уж, наверное, кого другого заселили. Вы, я тут погляжу, быстрые на это дело.

– Ну а чего добру пропадать? Людям где-то же жить нужно. Но я могу по базе посмотреть, заселили ли кого. Вдруг вещи какие личные надумаете забрать. Не знаю... фотографии там или еще чего.

– Фотографии? Фотографии не мешало бы, – задумчиво протянул Доронин, обдумывая слова собеседника. – Да, фотографии можно было бы забрать и из домашнего чего, а то про берцы это была не шутка, а жестокая правда жизни.

– Ну, если так, то и организовать можно. Так а все же, а к нам какими судьбами? Что, опять с бывшими командирами рассорились?

Доронин только отмахнулся от упоминания этого инцидента.

– Бог миловал. Они сейчас ведут себя как зайки. Вопрос чисто социальный. С медиками что-то нужно решать, с детьми... В общем, рабочие вопросы, как обычно.

– Ясно. Кстати, среди тех мамаш, что от вас к нам перекинули, медсестра была. Насколько я знаю, сейчас трудится в медсанчасти.

– Да, там такая история с этими дамами, что оставлять их себе было дороже. – Виктор был в курсе того, что женщины, которых перевезли в Казачку, были взяты в плен при зачистке банды, организованной бывшим работником органов, Глебом Рыбиным, организовавшим продажу «живого товара». Эти женины были женами и подругами работаровцев, многие из них с детьми, и после освобождения пленниц начали подвергаться всяческим нападкам с их стороны. Что, в принципе, было ожидаемо и закономерно, учитывая, что их мужья собирались сделать с пленницами. Так что женщинам даже повезло, что их оставили в живых, дав таким образом шанс на спасение. Во многом благодаря их детям. Могли бы и отправить на все четыре стороны, что было равносильно смертному приговору.

– Знаю, – кивнул Виктор. – Бабы они такие... Как начнут выяснять отношения, то хоть вешайся.

– И не сомневался! – хмыкнул Доронин. – И как они? Не шумят? Прав не качают?

– Насколько я знаю – все спокойно. Да и не в той они были ситуации, чтобы шуметь. Выбор то был из двух альтернатив – либо начинать жить по-человечески, либо не по-человечески, а по-зомбачьи.

– Это да. Наши, местные, их трамбовали не по-детски. А сами бы они без оружия да с детьми... Да, что там говорить? Сам все понимаешь.

– А может, это было бы справедливо? Я же с Рыбиным сталкивался пару раз в той жизни, но не так чтобы очень, по долгу службы, так сказать. Резкий был мужик, как понос. Я и не сомневался, что он выживет. Такие точно не пропадут просто так. А и известие о том, что он сколотил по сути банду тоже не вызвало удивления. Не тот он человек, чтобы потеряться и упустить такой шанс подняться по пищевой цепочке. Его ликвидировали, как и остальных?

– Нет, – поморщился Доронин. – Он ушел. Убил нашего бойца и ушел.

– А вот это плохо. Я бы даже сказал – хреново.

– Ну, гоняться по лесам за бармалеем как бы не очень то и хотелось. Бог – не фраер, Бог все видит. Коль суждено будет – сведутся наши дорожки снова, а нет – так нет. – Доронин поправил кобуру с пистолетом.

– А ты... Слушай, давай на ты, а то как на великосветском приеме «выкаем» друг другу, не хватает только мизинчик топырить а пенсне поправлять.

– Абсолютно солидарен. Вот и познакомились на фоне разговоров о насильниках и убийцах.

– Ох! Ё! Вспомнил! – неожиданно хлопнул себя по лбу Никитин.

– Чего? – удивился такой неожиданной реакции Доронин. – Что вспомнил?

– Не поверишь, да мужика одного. Увидел тут, все думал про него...

– Ты меня пугаешь... Про мужиков каких-то думаешь. Прямо страшно возле тебя стоять, – рассмеялся Доронин и демонстративно сделал шаг назад.

– Да ну тебя! Вот ты начал за баб тех рыбинских говорить, а у меня картинка-то и сложилась. В голове-то все вертелось, где я того работягу видел. Вроде, рожа знакомая, а вспомнить не мог...

– Для твоей профессии не сильно гут.

– Да это после этого – Виктор коснулся шрама на голове, оставшегося после неудачного выстрела. – Так вот, а когда ты за изнасилования заговорил, так я сразу и понял. Тот мужик несколько лет назад проходил по делу о попытке изнасилования. Он тогда на врача из скорой набросился. Врач отмахался, конечно, этого взяли на горяченьком, судили, все как положено.

– Молодец тетка. Сообразила, не растерялась. – Уважительно прихмыкнул Доронин.

– Почему тетка? – искренне удивился Виктор. – Вполне себе дядька. Просто тот дебил кинулся с дымящимся наперевес.

– Чего-о-о? Уже и на мужиков кидаются, извращенцы чертовы? Фу, мерзость какая.

– Ну почему же сразу извращенцы? Просто товарищ попался охочий до мужских ласк.

– Да? – Недоверчиво переспросил Доронин, все еще морщась от отвращения. У него, как и у всякого нормального мужчины, упоминание о всякого рода извращенцах вызывало только омерзение. – Ну так и чем все закончилось?

– Полный хэппи энд. Все счастливы – доктор больше не боится за свою ж..., ну честь в смысле. А этот заднеприводный гражданин был отправлен туда, где его потребности в любви и ласке могли быть полностью удовлетворены. Говорю же – все в ажуре.

– Так а здесь он что делает?

– Ну как что? Трудится на благо общества – у него ж руки золотые, даром, что ёпарь-террорист... Тыфу ты! Отсидел уж свое – давно то было. Может, по УДО вышел? Но присмотреть за ним все же стоит. Дабы не было потом проблем.

– Вдруг опять на ласку потянет? – подсказал Доронин.

– Ага. А народ нынче нервный. Понять могут неверно. Нужно кого-нить из наших к нему направить, узнать, где живет, кем служит. А ты на машине?

– Естественно, не пехом же я сюда от Голландии дотопал. Пешеходам нынче страшно.

– А назад не собираешься?

– Нет, меня еще и на планерку пригласили, как раз вопрос мой обсуждать будут. А что?

– Да исключительно шкурный вопрос – подбрось до дома, переодеться бы мне надо, а то сомневаюсь, что командование проникнется новым вариантом формы.

– Да не вопрос, машина за воротами на стоянке. Показывай, куда рулить.

Виктор благодарно кивнул и последовал за Дорониным до стоянки. Определенно, наглость – второе счастье, а то так бы топал ножками до самого дома. Вроде и не далеко, но двигаться пришлось бы очень быстро, чтобы успеть вернуться к нужному времени.

Десятилетний Ниссан «Патфайндер» болотно-защитного цвета, на котором пыль и пятна грязи смотрелись как элементы камуфляжа, домчал до дома буквально за пару минут. Доронин отпустил водителя и сидел за рулем сам. Наличие водителя было вовсе не понтами внезапно поднявшегося по карьерной лестнице бывшего пограничника, бывшего сотрудника ЧОПа, скорее – практической необходимостью, равно как и машина сопровождения с тремя бойцами, которая неусыпно следовала за ним. Хоть город и пригород контролировался военными, но полностью беспечными тоже становиться не следовало. Беспечные долго не живут. Хотя Доронин исповедовал прямую, как стрела, философию – двум смертям не бывать, одной не миновать.

– Кучеряво живут у нас менты! – присвистнул Доронин, окидывая взглядом высокий каменный забор и трехэтажный дом, возвышающийся за ним. – А еще говорят, что вам мало платят. Или это все куплено на нетрудовые доходы, заработанные непосильным трудом?

– Ха! Так и у тебя машинка ничего так. – Похлопал по бежевому кожаному сиденью Виктор, выбравшись из авто вслед за Дорониным.

– Кредитная, – усмехнулся Доронин. – Так что жду в гости судебных приставов за просроченные выплаты по кредиту.

– Блин! А я вот собирался, да так и не собрался тачку взять. А теперь вон, сгонять в город и любая твоя. Дом же ж этот – честно отжатое у мертвяков. Мы, как переехали в гарнизон, зачищали этот поселок, ну и выбрали пару домов для жития. Так что губозакаточная машинка тебе в помощь, а то раскатал так, что споткнешься.

– Да? Глядишь, так и в моей квартире кто-то хозяйничает. – Изменился в лице Доронин. – Может, действительно, глянешь, что там и как по своим базам? Возвращаться-то я не буду, а вот вещички зимние забрал бы.

– Это если они еще на месте! У нас тут быстро с неподходящими вещами – на базар все то, что не подошло. – Крикнул вослед Никитин и взбежал по невысоким ступенькам, ведущим в большой трехэтажный дом.

Пока Доронин угощался чаем, удовлетворяя любопытство сердобольной Зинаиды Максимовны, все расспрашивающей его о сыне, Никитин быстро переоделся в привычные джинсы и футболку – как не пытались его коллеги переодеть его в камуфляж, так ничего и не получилось. Черные джинсы, зеленая пятнисто-камуфляжная футболка, по холодной погоде кожаная куртка из грубой кожи, которую не каждый мертвяк прокусит – Виктор не изменял себе.

Переоделся он быстро, по-военному, и во дворе едва не споткнулся о летящего на всех парах толстого кота со встопорщенным хвостом, за которым со звонким хохотом несло нечто чумазое в кислотно-розовом платье и с подскакивающими в такт шагов косичками. Кот, не смотря на все приложенные к эвакуации своей драгоценной туши усилия, был пойман и едва не придушен в крепких детских объятиях.

И только жалостное утробное «ма-ао» и опасение, что сейчас коту все надоест, и он попросту расцарапает девчонку в кровь, заставили Виктора остановиться и аккуратно забрать животину у тут же разошедшейся плачем Каринки.

– Дя-а-а-а-а, отда-а-ай ки-и-исю, – обиженно затащила девчонка на одной высокой ноте, да так, что а зубы свело от боли. – Я хочу-у-у-у кисю погла-а-адить!

– Кисе пора спать, кися устала, – объяснение получилось так себе.

– Ма-а-ао! – то ли подтвердил мысль кот, повисший в руке Виктора, то ли напомнил, что его как бы пора отпустить, а потому начал извиваться всем телом. Капитан отпустил кота и даже подтолкнул легонько того ногой в сторону ближайшей открытой двери, дав шанс хвостатому избежать лишнего внимания со стороны ребенка.

– Кися не устала! Не устала! – аж затопала от возмущения девчонка, порываясь броситься догонять ретировавшегося усача.

– Так, ребенок, прекратить истерику! – попытка Виктора остановить плач командными методами не увенчалась успехом, опыта общения с детьми у него было не то чтобы много. Несовершеннолетние преступники были абсолютно не в счет.

– Виктор Иванович, с детьми такая тактика не действует, – подошла Зинаида Максимовна. – Это не солдаты.

– Да, Макаренко из тебя хреновый! – рассмеялся Доронин, выйдя из-за стола с чашкой горячего чая, который в такую жару был очень кстати.

Виктор и сам любил чаек горячий, не смотря на августовскую жару. Казалось бы летним зноем утолять жажду и остывать было бы лучше холодной водой, но каждый южанин знает, что для освежения лучше всего пить теплые или горячие напитки.

Вот и Доронин, подув в очередной раз, вновь отхлебнул из чашки.

– Ну.... – развел руками Виктор. – Я попытался.

– И зачем вообще было забирать ребенка из интерната, если бросаешь его постоянно? – громко фыркнула проходившая к соединяющей два соседних двора железной кованой калитке Евдокия Антоновна, возвратившаяся со смены на местной хлебопекарне.

– И тебе не болеть, Евдокия! – поджала губы вдова полковника Смирнова. – Сама же знаешь, на дежурстве Анна! Чай не на гульках.

– Угу, знаю уж. Да успокой ты ее уже, чего кричит на весь двор? Я со смены, поспать хотелось бы.

Калитка противно скрипнула несмазанными петлями, и мать погибшего лейтенанта Паркова, скрылась в соседнем дворе, тяжело ступая по выложенным плиткой дорожке.

С гибелью сына в Евдокии Антоновне будто что-то надломилось, полностью изменив этого человека. И если Виктор еще понимал ее изменившееся отношение к нему самому – все же Серега погиб отчасти и по вине Виктора, то вот нападок на вдову Смирнова, а уж тем более на Каринку он понять не мог. Да и никто не мог. Даже муж самой Евдокии Антоновны. Все же Каришка была каким-то лучиком света, приносящем в их жизнь какое-то сумасбродство и хаос. В хорошем смысле этих слов.

Зинаида Максимовна тяжело вздохнула, проследив взглядом за удаляющейся фигурой, но потом вновь переключила свое внимание на хнычущую девочку.

– Пойдем, Кариша, к Зорьке, посмотрим, как там козлятка. – Весьма профессионально заговаривая зубы девчонке и переключая внимание малютки с успевшей скрыться в дверном проеме «кисы» на козу, Зинаида потихоньку начала уводить ее в сторону, к загону, где содержалась найденная Виктором животина, на ходу быстро протараторив гостью. – Вы все на столе оставьте, я потом уберу.

– Да, весело у вас, – прокомментировал происходящее Доронин, подходя к переодевшемуся Виктору и отряхиваясь от возможных крошек, попавших куда-нибудь в складки камуфляжа.

– Обхохочешься. Ладно. Ты чай попил?

– Попил-попил. Поехали, а то время уже поджигает. Я прям себя суперзвездой почувствовал – скоро будут автографы просить.

Все же иногда полезно быть чуть более чем настойчивым. Никитин не отличался способностью быстро сходить с людьми. Знал он таких, которые через десять минут общения, вызывая ощущение, что знаешь этого человека несколько лет. Так вот такими способностями он не впечатлял, зато интуиция у него работала на все сто. Может, врожденная, а может, развитая за годы службы. Так вот та самая интуиция говорила, что новый знакомый из тех людей, в которых минимум гнили.

При выходе со двора Никитин столкнулся с Ксенией – дочерью Зинаиды.

– Окса, привет.

– Драсте, Виктор Иавныч, а я вот в морге была! – с радостью поделилась впечатлениями девчонка, светившаяся едва ли не как начищенный самовар. – Только оттуда.

– Отку-уда?! – не поверил своим ушам Никитин, а рядом крякнул от удивления Доронин.

– Ну, вы ж сами мне постоянно говорите, что я от жмура блевать начну!

– Оксанка, фу. Ну что за выражения?! Ты же приличная девушка, а не уличная шаболда.

– Так это вы так говорите! – пожала плечами девчонка. – Я всего лишь повторила ваши слова.

– Ну так мне можно, – выдал самый железный аргумент Никитин. – Я ж типа взрослый, а ты – мелочь пузатая.

Девчонка не обиделась на такое заявление, рассмеялась только.

– Ладно. – Решил направить ее упорство в нужное русло мужчина. – Увидишь кого из взрослых, скажи, чтобы заглянули к бригаде электриков, что монтажат возле спортплощадки,

там такой худошавый мужик в синем комбезе – нужно узнать, кто он и что. И вызвать на разговор.

– На допрос? – просияла Ксения, обрадовавшись, что ей, наконец, доверили выполнение хоть какой-то задачи. Хотя до этого Виктор крайне негативно относился к ее участию в каких-либо делах. – А можно ...

– На разговор. – Поправил ту Никитин.

– Так я сама могу.

– Я т-те дам сама. Нашим передай. Антохе там... Хотя отставить, он на стрельбах. Ну, значит, кто у нас там в отделе сидит? Короч, сама не суйся. Не доросла еще. Поняла?

– Угу. – Сникла девчонка и направилась во двор.

– Стой! – окликнул ее Виктор. – Сама можешь поприсутствовать. Только все под запись и подписи не забудьте поставить.

– А это что у вас уже и дети служат? – кивнул в сторону довольной девчонки Доронин.

– Так это сестра твоего Сашки, Оксанка, она же Ксенька, она же Сенька. Вот, идет по стопам отца. Учится сыскному делу. Хотела на «юрфак» поступать, а не сложилось.

– Н-да... У многих не сложилось. И не скоро сложится. Ладно, поехали, а то опоздаем.

Анна Митрофанова, санчасть Казачинского гарнизона

– Ань, там раненых привезли. Ты еще долго? Рук не хватает. – Скороговоркой затарахтела ворвавшаяся в гинекологический кабинет медсестричка – пухленькая, беленькая, чем-то похожая на сдобную румяную булочку.

– Сейчас, заканчиваю. Серьезное что-то? Много пострадавших? – тут же, заволновавшись, встрепенулась Аня Митрофанова.

– Во! – медсестра махнула над головой рукой, показывая общепринятый жест, означающий «выше крыши».

– Сейчас. – Кивнула Аня в ответ. – Так, Александра Васильевна, у вас сейчас предположительно недель восемнадцать...

Анна Михайловна Митрофанова, медсестра Портовой поликлиники, чудом спасшаяся из больницы, заполненной мертвецами, которая с первых дней Беды оказалась в окружении милиционеров, да так с ними и переехавшая в новый гарнизон, где и нашла свой новый дом.

Светло-пшеничные волосы от природы в сочетании с серо-зелеными глазами и пухлыми губами дополняли образ эдакой русской красавицы, какими обычно рисовали в сказках в венце и с толстой-претолстой косой, перекинутой на грудь.

Косы у Ани не было, да и волосы она теперь подумывала подстричь покороче – уж очень много от них проблем в рамках ограниченных бытовых условий.

Что случилось с родителями – она не знала, связи с ними не было с самого первого дня, ведь с работы она выбежала, позабыв в кабинете сумку и телефон. Думать о том не хотелось, ибо ответ был на поверхности – слишком хорошо она видела, что происходило в самом начале.

Бежала она тогда, не думая о последствиях, да и потом, когда выскочила, едва не угодив под колеса, прямиком на подъехавший милицейский УАЗик, в котором тогда находились Виктор Никитин, Володя Володин и еще один милиционер, Аня не запомнила его имя – он погиб как-то быстро. Так вот тогда она не думала, что все это не просто затянется, а что теперь пошел отсчет новой жизни.

Вот Аня как могла, так и устраивалась в этой новой жизни. Несколько часов в гинекологическом отделении – по своему основному профилю, потом в приемном покое дежурства, еще ко всему прочему штудировала все возможные книги по судмедэкспертизе, которых было очень мало. Учебной литературы в этом плане очень не хватало. Аня даже пожалела, что в бытность студенткой и, имея доступ к учебной литературе, не воспользовалась тем шансом. Очень сложно было находить информацию по крупнякам в библиотеке военной части.

Вот и сейчас у нее на приеме была беременная женщина, которой предстояло стать первой матерью нового мира. Первой, но не последней. На учете у Ани стояло уже восемь женщин, решившихся на столь отважный шаг в новых реалиях.

Аня быстро писала в карточке пациентки, стараясь вписать все необходимые данные. Карточки были самодельные, распечатанные на принтере бланки, воссозданные по образу и подобию и скрепленные степлером листы.

– Примерно да, – согласилась будущая роженица.

– Самочувствие нормальное, давление тоже. Жалоб...

– Нет. – Быстро подтвердила пациентка. – Сестричка, все у меня хорошо, бегите. Я через месяц, как положено, приду. А вас там ждут. Там нужнее...

Аня улыбнулась с искренней теплотой и попрощалась вслед быстро выскользнувшей в двери женщине.

Быстро черкнув пару слов на пустом листе, записав себе то, что следовало бы доделать, и, оставив на столе все, как было, Аня всунула ноги в текстильные мокасины с мягкой резино-

вой подошвой, в которых ходила в санчасти и, проверив наличие пистолета в кармане, быстро вышла из кабинета, не забыв его запереть. Воровства в гарнизоне не наблюдалось, но порядок есть порядок.

К оружию она, как ни странно для самой себя, привыкла быстро. И даже не боялась его брать, как в первые дни владения им. Еще когда они переживали весь ужас, творящийся на улицах, в Гагаринском отделении милиции, гадая, что будет дальше, она познакомилась там с одной из сотрудниц несуществующего нынче РОВД. Ее звали Юлей, она была в звании лейтенанта, и она очень быстро погибла. По-глупому... Хотя как еще можно назвать смерть совсем еще молоденькой девушки? Да никак!

Но Юлька тогда дала Ане хороший урок, глядя, как та с опаской смотрит на оружие. Просто объяснила, что оружие единственное, что теперь отделяет жизнь от смерти. И, как насмешка над судьбой, именно из-за отсутствия оружия и погибла, укушенная выпущенными глупыми мальчишками мертвяками. Но урок Аня запомнила.

Операционные были на первом этаже, чтобы раненых не таскать на носилках на верхние этажи, куда переселили стационар и узконаправленных специалистов. Тех, что удалось найти. А найти удалось не так уж и много. Смерть медиков выкосила буквально за несколько первых дней. Пока поняли, что укусы смертельны, пока то-се – бесценное время было упущено.

– Анна Михайловна! Вы вовремя, – мимо широким быстрым шагом промчался Иван Сергеевич Смальцев – начмед бригады, он же хирург по своему профилю. – Давайте во вторую операционную, со мной. В первой будет Алексеев и Бортко. Двоих туда!

Гарнизону повезло, что в бригаде был полноценный штат специалистов – все же повышенное денежное довольствие давало о себе знать. Да и частенько жены офицеров были из медиков и переводились из части в часть вместе с мужьями. Но крайне не хватало среднего и младшего медперсонала.

– В перевязочную еще двоих!

– Слушаюсь, Иван Сергеевич, – с готовностью кивнула главная медсестра Ирина Валерьевна – высокая женщина под метр девяносто с довольно зычным голосом, но с весьма симпатичной внешностью.

Санитарки и медсестры, принимающие пострадавших, поняли все с полуслова и суетливо открывали вторые двери, прокатывали грохочущие древние каталки. В общем, занимались ровно тем, чем занимаются медработники во время каких-то чрезвычайных ситуаций. Здесь же были несколько бойцов, выполнявших функции санитаров, подгоняемые зычными окриками тетки-санитарки. Санитарки, наряду с вахтершами, во все времена были самыми страшными сотрудниками. Их боялись все. Даже начмед. Чуть-чуть.

За стеклянной дверью, отделяющей предоперационную от операционной, была видна Ленка, позвавшая Аню. Рядом была еще одна девушка в белом халате вовсю раскладывающая инструменты на манипуляционном столике, а Аня вдруг почувствовала страх. Потому как не считала свои знания doskonaльными для помощи в операционной. Конечно, раздел хирургии она изучала еще во время учебы, да и совсем недавно она, словно чувствуя что-то, пролистав книгу по военно-полевой хирургии, да и Иван Сергеевич недавно организовал что-то вроде мастер-класса по хирургии, но большой уверенности это не добавляло. Наоборот, чем больше она пыталась вспомнить, тем чаще она ловила себя на мысли, что ничего не знает. И это ее очень пугало.

На этот момент раненых привезли семь человек, но для медсанчасти с не таким уж и большим штатом медработников это была значительная нагрузка. Операционных-то полноценных всего две, при том в первой был двойной комплект оборудования на случай непредвиденных ситуаций, да врачей-хирургов тоже по сути двое, ну и один студент-пятикурсник из симферопольского медицинского, которого по ускоренной программе натаскивали на хирурга. Вот его, Бортко Даниила, в первую операционную и направили дополнительным полухирур-

гом, естественно, под присмотром более опытного коллеги. Вот так и получались те самые полтора землекопа.

– Анька, ты чего застыла?! Давай мойся, и быстро одевайся! – махнула рукой вторая медсестра. – Парень этот совсем плох. А я в первую побежала, там тоже помощь нужна.

Девушка кивнула и торопливо прошла к раковине, где обнаружила мыльный раствор с помпой-дозатором. Открыв кран так, чтобы вода сильно не лилась, несколькими нажатиями она выдавила разведенную жидкость и тщательно намылила руки. Ровно так, как учили – ладони, тыльная сторона, пальцы, между пальцами и руки до самых локтей. И так дважды.

В предоперационную, переговариваясь, вошли хирурги и начали монотонно и тщательно мыть руки. Только бывший студент Даня заметно нервничал, а потому больше отмалчивался, чем говорил, неопределенно хмыкая невпопад, да и вообще всячески показывая свою нервозность.

– У нас проникающее пулевое брюшной полости. Пуля прошла насквозь, большая кровопотеря. Еще ранение навывлет верхней левой конечности и бедра. Анна Михайловна, вы готовы?

– Да, почти, – кивнула девушка и, держа обе руки поднятыми, толкнула плечом дверь в операционную, где ей уже помогла надеть стерильный одноразовый халат Ленка.

С Ленкой Аня познакомилась в санчасти, как-то пару раз попадали вместе на дежурства, да так и если не сдружились, то были во вполне приятельских отношениях. Та постоянно пыталась вытащить Аню в местный бар, развеяться, как говорила приятельница. И Аня однажды даже согласилась, но пришлось поменять планы – Каринка подхватила кишечную инфекцию и всю ночь Аня продежурила возле разболевшегося ребенка.

Ленка тогда то ли всерьез обиделась, то ли просто из вредности всячески демонстрировала свою обиду. Но потом как-то все выровнялось само по себе и девушки вновь начали общаться, хотя иногда от приятельницы прилетали колкости на тему вынужденного материнства Ани.

Во второй операционной было светло – солнце било и через стекла закрытых окон, и хирургический бестеневой светильник уже был включен над операционным столом, где уже лежал, накрытый одноразовыми синими пеленками пострадавший, над которым колдовал анестезист. Медсанчасть, как одна из ключевых точек анклава, была подключена к генератору, поэтому электричество на минимальные необходимые нужды было. Анестезиолог, уже немолодой дядечка под пятьдесят с залысынами, виднеющимися даже сквозь одноразовую шапочку на тонкой резинке, был один-единственный на всю медсанчасть. И сегодня ему придется разрываться между тремя пациентами.

– Так, все, клиент готов, я пошел к соседям, – анестезиолог еще перекинулся парой слов с вошедшим хирургом, к которому уже присоединилась фельдшер, которая будет исполнять роль ассистента.

Потерпевшему заблаговременно привязали руки и зафиксировали челюсть, во избежание неприятностей в случае смерти пациента.

– Так, его я обездвигила, кусаться теперь он тоже не сможет, ежели чего... – Ленка рукавом вытерла набежавший пот на лбу. – Теперь только так.

– Да, – Ане вдруг так захотелось почесать нос, да еще и в палате было нестерпимо жарко – окна-то закрыты, а кондиционера нет, и в ближайшем обозримом будущем не предвидится.

– Слушай, подруга, а ты прям нарасхват! – Негромко полушепотом проговорила Ленка. – И в операционную, и в эту группу по изучению мутантов... Везет же! Колись, как у тебя это получается? – хитро улыбалась коллега. Конечно, через медицинскую маску улыбку не было видно, но по интонациям все и так было понятно.

– Да никак! Само оно как-то... – пожала плечами Аня с интересом разглядывая рану.

– Ой да ла-а-адно! Мне-то не лечи. Само... – Ленка опять хмыкнула. – Дала что ль кому надо? Уж не самому Сергеичу?

– Лен, ты сдурела что ль? – Аня даже опешила немного от удивления от столь нелепого заявления.

– А что?! – Ленка расхохоталась и пожала плечами. – Мужик он ниче так. А то, что постарше, так это придает всему некую пикантность.

– Да ну! – захмыкала Аня. – Бред не носи...

– Ой да прям! И чего сразу бред? Я б с ним... – закончить ей не дали.

– Все, давайте приступать. – Скомандовал зашедший начмед, которому только-только перемывали кости, избавив Аню от необходимости отвечать на столь щепетильный вопрос. – И так дел по горло... Кто готовил к операции пациента?! – вдруг рявкнул хирург.

– Я... – промямлила Лена, испуганно глядя на начмеда, растеряв всю смешливость.

– Головка от буя, – быстро поправился тот. – Почему не обработана операционная поверхность? Почему не побрита грудь и паховая область?

– Я забыла.

– А голову вы не забыли? Чему вы только учились?!

– Иван Сергеич, сейчас все будет сделано. – Быстро сориентировалась Аня, пока Ленка стояла, хлопая глазами и не зная, что сказать.

– Что вы стоите, как статуя? Отомрите и помогите коллеге! Время идет!

Аня работала машинально, сбривая окровавленные волосы, затрудняющие обработку кожи антисептиками, на животе и груди раненного бойца, тем самым устраняя возможность развития послеоперационных инфекционных осложнений. Немного замешкалась, но взяла себя в руки и быстрыми движениями побрила пострадавшему низ живота.

– Лен, давай обработай йодным раствором тут, тут и тут. Лен, ты чего? Корнцанг возьми.

– Что? – не сразу поняла, о чем говорит Аня, Ленка.

– Зажим вон тот! С длинными носиками. – Достаточно громким шепотом подсказала Аня.

Лена быстро опомнилась и схватила нужный инструмент, зажав при помощи корнцанга заранее нарезанные бинты в качестве салфетки, она начала суетливо и поспешно смазывать живот пострадавшего возле ран.

Начмед, до этого молчаливо наблюдавший за действиями медсестер, опять неожиданно рявкнул, испугав не только Ленку, но и Аню. За все то время, что девушка его знала, Смальцев всегда был спокоен как удав.

– Вы про технику обработки операционного поля слышали что-нибудь?! – И не дождавсь утвердительного кивка, продолжил. – А о том, что нужно обрабатывать от центра к периферии? От центра! – начмед ткнул пальцем едва ли не в саму рану. – К периферии!

– Конечно, Иван Сергеич, я просто... – голос у Ленки задрожал, и Аня, зная ее, поняла, что та вот-вот разрыдается.

– Просто! Все у вас просто. Вон Митрофанова почему-то все успевает. И как корнцанг называется, что характерно, не забыла! Хватит уж его натирать, отойдите уже от стола, пока он богу душу не отдал... Митрофанова, сюда иди, ассистировать будете!

Лена, поникшая и притихшая, послушно отошла, положив использованный зажим в лоток, а вот Аня почему-то почувствовала себя крайне неудобно, хотя никаких оснований для того по всем объективным причинам не имела. А зажим этот, вернее его название, она вспомнила лишь потому, что недавно повторяла инструментарий.

Операция длилась долго. Аня, откровенно говоря, устала – спина затекла и противно ныла в районе поясницы. Очень хотелось присесть или хотя бы сделать пару наклонов вправо-влево, чтобы размяться, но нельзя было – начмед не давал и выдыха лишнего сделать. Да и глядя

на него, на его сосредоточенность и внимание к деталям, было стыдно не то, чтобы говорить – даже думать об усталости. И Аня терпела.

Смальцев мало того, что оперировал, он еще объяснял, что делал, словно проводя занятие для студентов, а Аня старалась все запоминать. Присутствовавшая здесь фельдшер, выполнявшая роль второго хирурга, так же с интересом наблюдала за всеми манипуляциями Смальцева.

Парню откровенно повезло – печень по счастливой случайности не зацепило, правда, пришлось провести резекцию тонкого кишечника – удалить его часть, но это можно сказать было меньшим из зол. Хотя считалось, что при лапаротомном вмешательстве реабилитация проходит сложнее.

Рядом недовольно сопела Ленка, но молча выполняла все манипуляции, боясь вновь разозлить Смальцева.

– Все. Шьем! – Наконец, скомандовал начмед и направился к выходу. – Татьяна, с остальным справишься?

Фельдшер-ассистент молча кивнула и приступила к делу. Аня наблюдала, но все же поинтересовалась:

– Не пойму, Вы Ламбером шьете?

– Нет. Шов Ламбера не отвечает требованиям, предъявляемым к кишечным швам. – Как по писанному ответила фельдшер, словно цитируя графу из учебника. – Только Ламбером шить нельзя, нужно сочетать с другими видами. Поэтому я шью швом Матешука – он подходит, при затягивании одноименные слои кишки соприкасаются.

– Покажете на досуге? – спросила Аня.

– А что, интересно? – хмыкнула фельдшер.

– Если честно, то да.

– Хорошо. Покажу. Не жалко. А у вас какое направление? Где работали?

– А она у нас специалист широкого профиля, – съязвила Ленка. Аня недоуменно на нее взглянула.

– Не поняла... – серьезно переспросила фельдшер.

– В мирное время в гинекологии работала. А сейчас и не знаю, какой у меня профиль. – Пожала плечами Аня. – Пытаюсь научиться всему, чему можно. Лишним не будет, считаю.

– Правильно считаете. Всё. Теперь только надеяться, что сильный организм не допустит появления инфекции. Но нужно будет наблюдать. Теперь давайте займемся другими отверстиями, не предусмотренными изначальному проекту. Ножницы!

29 августа. Виктор Никитин, штаб Казачинского гарнизона

На планерку Доронин с Никитиным прибыли вовремя, даже подождать пришлось немного – Жмурко, командующий бригадой, опаздывал, хотя начальство не опаздывает, начальство – задерживается. Зато здесь уже были Федюнин Андрей Захарович, занимающий должность зампотыла, которого эта должность, казалось, преследует еще с «докатастрофных» милицеских времен, да подполковник Киреев, бывший заместитель по охране общественного порядка, вовсю блестел лысиной. Они оба были сослуживцами Виктора еще с гагаринского РОВД, хотя тогда Никитин с ними особо-то и не пересекался – не того он был полета птицей, опер обыкновенный, пусть и с перспективой карьерного роста до должности начальника... лет через 10-15.

Здесь же присутствовал и старший из группы ученых из Института биологии южных морей, переквалифицировавшихся на изучение новых форм жизни – значит, будут что-то интересное рассказывать. Они всегда что-то интересное находят после ковыряния в тушах привезенных мутантов.

Еще несколько силовиков, новый командующий тем, что осталось от флота, носящий громкое звание заместителя по надводным силам, начальник разведки, начальник штаба, а вообще больше десятка людей ожидали начала планерки.

Жмурко зашел быстро и можно даже сказать стремительно, пересек широкими шагами кабинет и занял свое место.

– Здравия желаю, товарищи офицеры! Прошу прощения за опоздание.

– Хм, а начальству-то эксклюзивной формы и не досталось, – тихонько шепнул Доронин, едва сдерживая предательский смех.

Впрочем, Виктор ответить не успел – комбриг начал говорить о тематике собрания и плавно передал слово научному деятелю.

Виктор механически черкал что-то на листе блокнота, принесенного с собой, не особо и задумываясь о художественном смысле. В этот раз ученые мужи не сказали ничего нового, так, повторяли все то, что и так было известно. Говорили что-то о природе всего происходящего за периметром, но говорили ничего конкретного, так, очередное бесполезное сотрясение воздуха. Потому Виктор и слушал все это вполуха, иногда переговариваясь с рядом сидящим Дорониным.

Монотонность бубнежа сменилась, и ухо Виктора выловило несколько интересных слов. Пришлось прислушаться....

– теория, что при гибели организма мозг все же повреждается. В частности именно изменения в гипоталамусе, отвечающем за голод и сон, могли привести к «волчьему аппетиту» зомби и их способности впадать в «спячку» при отсутствии объекта интереса. Мы провели ряд экспериментов, и выяснили, что у мертвых отсутствует чувство насыщения, если так можно выразиться, они будут жрать, простите за мои слова, до одури, пока не съедят все. В дополнении ко всему можно наблюдать что-то типа синдрома Балинта, – лектор закашлялся и продолжил, – мертвец, концентрируясь на чем-то, теряет из виду все остальное.

– Ну да! Они когда жрут кого-то вообще ни на что внимания не обращают! – прокомментировал сидевший рядом Доронин.

– Именно. А еще их привлекают громкие звуки и яркие вспышки. Здесь нам запрещено проводить опыты, – раздосадовано заметил ученый, – поэтому мы выбирались в город, собирали целую толпу зомби и поджигали.... ну это... на салют похоже.

– Ракетницу, – подсказал один из флотских.

– Да, спасибо, – благодарно кивнул доктор, – именно. Как мы и предполагали, зомби смотрели на яркий огонек, пока он не погас, не обращая на нас никакого внимания. Хотя особо шустрые особи, более откормленные что ли... они-то как раз пытались добраться до нас.

– А с чем это связано? – поинтересовался Жмурко.

– Процессы мутации при употреблении белка своего вида нами изучены слабо в силу отсутствия необходимого оборудования и исследовательских материалов.

– Это он о чем? – ткнул Виктора локтем Доронин.

– В лаборатории зомбей держать хочет. – Пояснил Виктор.

– Что еще интересно, ранее мы считали, что фирменная молчаливость зомби – это результат отсутствия дыхания, сами знаете, они не дышат, а потому и не говорят, только сипят или скулят... бывает. Так вот, нами, конечно, еще ведется исследование, но я все же решусь озвучить теорию, что повреждение дугообразного пучка, который соединяет две области левого полушария, участвующие в речевой функции – зону Вернике, отвечающую за понимание речи, и зону Брока, ответственную за воспроизведение речи, не дает зомби говорить. Но опять же для подтверждения своей гипотезы, мне необходим исследовательский материал. А, учитывая, что зомби можно убить только выстрелом в голову, то возникают определенные проблемы в исследовательском материале, вернее, в его сохранной доставке.

– И что вы предлагаете? Живых мертвецов на базу тащить? – недовольно хмыкнул начальник разведки.

– Но мертвецов можно убить не только разрушив головной мозг, молодой человек, – заметил доктор биологических наук, хотя начальник разведки был не намного моложе его самого, – разряд электрического тока тоже помогает.

– Предлагаете с шокерами на мертвяков идти? – продолжал иронизировать энэр⁵.

– Нет, но....

Договорить ему не дала приоткрывшаяся дверь, из-за которой, извинившись за опоздание, появился начмед, по виду смертельно уставший с красными, словно воспаленными глазами.

– Простите, коллега, что прерываю, – прокашлялся Иван Сергеевич, прервав биолога, отреагировав таким непочтенным обращением возмущенным сопением. – Товарищ полковник, как вы и просили, докладываю. Из поступивших сегодня семерых раненых двое тяжелых, один в критическом состоянии, не знаю, доживет ли до утра. Остальные – жить будут точно.

– Спасибо, Иван Сергеевич, присаживайтесь. – Кивнул Жмурко и нервно щелкнул зажигалкой, после чего по кабинету разлился сладковатый запах табачного дыма. – Вы тоже, Сергей Викторович, присаживайтесь. Нам теперь стоит обсудить более насущные вопросы. И да, кто еще не знает, сегодня наша группа попала в засаду. В хорошо организованную засаду под Верхнесадовым. Кто и что – пока неизвестно. Но это пока. Верно, Анатолий Евгеньевич? – Жмурко глянул на сосредоточенного начальника разведки. – Итоги засады вы все слышали.

Никитин молча обменялся взглядами с Дорониным, понимая теперь, что это была за суeta возле медсанчасти.

– Наша группа шла на сопровождение «ленточки» бензовозов, – поднялся со своего кресла Шарипов. – Сами знаете, как сейчас следует перевозить особо важные грузы.

– Давайте без лирических отступлений, – прервал того Жмурко.

– Есть! Колонна была атакована на 20 километре трассы Севастополь-Симферополь, не доезжая трех км до села Верхнесадовое. Используя особенности прилегающей местности, нападавшие попытались организовать классическую засаду. По почерку сразу видно непрофессионалов. Вместо вывода из строя головной и замыкающей машин, они открыли огонь по бронетехнике охранения, совершенно потеряв из виду или не обратив внимания на тентованные

⁵ От сокращения НР – начальник разведки

грузовики с бойцами охранения. Во время огневого столкновения, нападающие вели огонь длинными очередями, совершенно не экономя боеприпасы и теряя в точности. Позиции во время огневого контакта так же не меняли, что в очередной раз подтвердило мою догадку о непрофессионализме нападавших. Во время боя группа огневого прикрытия заняла оборону и совместно с огнем бронегруппы подавляли огневые точки противника, тем самым способствуя контратаке остального личного состава. В результате попытка взять противника в клещи не увенчалась успехом. Потеряв шестерых, им удалось уйти. С нашей стороны – семь человек «трехсотых».

– Молодцы, чего сказать... – пробормотал немного громче, чем следовало бы командир БПК «Керчь». – Семеро трехсотых. Один вот-вот ласты склеит.

– Нечего подкалывать! Там скала нависает над дорогой, – тут же ошетинился энэр, почувствовав, что подвергают сомнениям профессионализм его подчиненных. – Лучше места для засады и не придумаешь. С одной стороны скала, с другой – «зеленка»: маневра для колесной техники них... нет, в общем. Укрыться негде, ну и на минутку бензовозы. Случайная пуля или граната и вокруг полный п... пердимонюкль.

– Судя по тактике, вернее ее отсутствию, нападающие или очень сильные, или очень быстрые, – хмыкнул Доронин. – Стиль их можно назвать «слабоумие и отвага».

– А в чем был весь фикус-пикус? – переспросил Никитин. – Какая цель была всего этого кипиша?

– А вот это весьма интересный вопрос. – Кивнул начальник разведки. – Есть мнение, что цель нападавших была отжать бензовозы. Но они думали, что все прокатит «на дурняка», соответственно, проработка и подготовка операции хромала на обе ноги. Но мы отрабатываем и другие версии. Никитин, ты у нас тут не для мебели. Подключайся, врастай.

– Есть, тащпльковник! Врастаю по самые Нидерланды! – подскочил на ноги Никитин. – А теперь вопрос, как в «Что? Где? Почему?». Где трупы? Шестерых же завалили, верно? Место нападения обследовали? Во что одеты? Чем вооружены? Оружие пробивали по номерам? Документировалось хоть что-то? Фото, видео там?

– Капитан, не задалбывай. Какое, к херам документирование, когда после нападения очком можно лом перекусить? – удивился Жмурко. – Коль такой любопытный – берешь две «коробочки» со взводом и сам там все вынюхиваешь, выползываешь, хоть на зуб пробуешь.

– Разрешите, товарищ полковник, – обратился к комбригу Шарипов. – Судя по количеству россыпей гильз и расположению убитых, нападающих было человек пятнадцать. «Языка» взять не удалось – парни мои слегка перестарались. Но что имею сказать – снаряга у них была путевая. Если интересно – зайди в разведроту, скажешь, что я дал «добро» – тебе все покажут. Трофеи – вещь законная. Оружие сдали на склады – тамошних прапоров нужно тормозить.

– Я дам своим распоряжение, – кивнул замполт Федюнин, черкнув что-то в своем блокноте.

– Рожи их отфоткали, – продолжил энэр. – Документов не обнаружено, но у двоих были медальоны-смертнички. Так что имена-фамилии двоих записали, хотя чем это может помочь – ума не приложу.

– И еще вопрос – кто знал о времени и маршруте прохождения «ленточки»? И чем вообще занят особист?

– Нет особиста. – Кратко ответил комбриг. – Сожрали. Так что, Никитин, назначаю тебя врио начальника особого отдела.

– А схера ли две кефали? – Не сдержался капитан. – Мне оно никуда не впилося две фуражки носить одновременно. И особистом быть, и огрызок РОВД возглавлять.

– А не подофигел ли ты от невыносимой легкости бытия, капитан?! – Жмурко даже встал с кресла, опершись на руки, и подался немного вперед, сверля Виктора сердитым взглядом. – Что ты там в своем РОВД делаешь?

Виктора такими взглядами удивить было трудно – покойный Смирнов и не так смотреть мог, когда очередной нагоняй раздавал, к тому же взглядом Никитин испепелялся плохо, так что оставался он абсолютно спокойным.

– Моя задача пока по городу искать все, что плохо лежит и тех, кто выжил. Да с жилым фондом и оформлением новых паспортов тоже тянуть не стоит. И с этой задачи меня пока никто не освобождал.

– Не освобождал, – неожиданно согласился Жмурко, ненадолго призадумавшись и присев обратно в кресло. – Ладно, капитан, давай так. Эту задачу я могу поставить трем толковым офицерам и взводу солдат, так что за паспорта свои не беспокойся. А ты со своими сыскарями занимайся нападением на «ленточку». Очень уж нужно знать, кто, как и зачем.

Никитин замолчал, согласно кивнул и сел. С начальством спорить – себе дороже, но бюст Дзержинского со склада прихватить задумался. Какой же особист без Железного Феликса? А то, что где-нибудь на дальнем складе бюстик припрятан, он даже и не сомневался.

– Тащплковник, последний вопрос. Пальтишко кожаное и маузер прикажете на складе получить?

– Никитин, мать твою! Харэ юморить!

– Есть «харэ юморить». Повторю вопрос – кто знал о времени и маршруте прохождения «ленточки»? – вмиг став серьезным и перевернув изрисованную страничку блокнота, приготовился записывать ответ.

– Хороший вопрос. Давай останешься после совещания и мы прикинем.

– А вас, Штирлиц, я попрошу остаться, – еле слышно пропетросянил Доронин.

– Итак, с начальником особого отдела и расследованием обстоятельств нападения на колонну мы определились. Всем моим заместителям и начальникам служб оказывать максимальное содействие в проведении расследования по первому требованию капитана Никитина. Он наделяется всеми правами и обязанностями начальника особого отдела. И не дай боже, хоть одна кривая лань хоть слово против вякнет – сразу же за пицунду и на кукан по законам военного времени. Всем все ясно? – обвел тяжелым взглядом всех собравшихся командир бригады. – Так, Владимир Михалыч, доложите о предпринятых мерах по усилению службы войск.

– На данный момент проведено усиление патрулей и блок-постов. Запущены мобильные патрули на бронетехнике, чтобы в случае чего быстро среагировать и поддержать в месте возможного нападения. – Встал и расправил китель, прокашлявшись, начал отвечать начальник штаба, подполковник Соломатин. – Сеансы связи с блок-постами и патрулями каждые полчаса. Кстати, Доронин, ваших это тоже касается. Усиленный вариант несения службы.

– Так точно! – приподнялся со стула капитан. – Только хотелось бы уточнить, что мои люди не обладают бесконечным боезапасом. И усиливать мне их нечем и некуда. У нас и так в строю грудь четвертого не видать, а из бронетехники только два несчастных бэтэра, а из оружия то, что было в оружейке на ИР-100 было.

– Чем же вы отбиваться от бывшего начальства собирались? – хохотнул кто-то из офицерского состава. – Камнями да палками?

– Пришлось бы – и с палками встали бы, – буркнул Доронин. – Но вопрос остается открытым: тяжелого вооружения у меня нет, людей дополнительных тоже, пацанва молодая необстрелянная не считается. Мы разрываемся на двух блок-постах – держим въезды в город с Северной стороны. Плюс мобильные патрули по территории. Остро стоит вопрос об обучении и размещении детей, а так же комплектовании имеющейся на территории института медсанчасти. У меня там полноценный санинструктор и несколько студентов на подхвате. На четыреста человек, между прочим. Нужно это как-то решать.

– Ваши предложения изложите письменно рапортом на мое имя. – Жмурко постучал ручкой о стол. – Подойдете ко мне на подпись, потом передадите его начштаба. Владимир Михалыч, организуйте максимальное содействие.

– Так точно, товарищ полковник!

– Разрешите, товарищ полковник? – Руку поднял начмед.

Тот кивнул.

– Нужно обучать людей. У нас острая нехватка в среднем и старшем медперсонале. Поэтому пока есть специалисты при памяти, нужно попытаться максимально восстановить учебный процесс. Эх! Нам бы симферопольских студентов бы занять. – Кто-то неудачно сдержал смех, но начмед не обратил внимания. – Курса так пятого-шестого. Хотя какие-то зародыши настоящего врача. Да где они теперь? Только своих обучать.

– Да кто ж будет обучать-то? – фыркнул доселе молчавший биолог-мутантовед.

– Мы. Я. Если надо будет, и вы вспомните общепрофессиональные дисциплины. Для нас, как представителей человечества жизненно важно решить этот вопрос. Надеюсь, не нужно объяснять, почему? Или подождем первого случая воспалившегося аппендицита или разыгравшегося флюса?

В кабинете начался шум, каждый хотел прокомментировать слова начмеда, и не всегда цензурно. Биолог Сергей Викторович же, наоборот, недовольно молчал, скрестив руки на груди, начальник разведки, было видно, что вообще думает о своем. Жмурко же тяжелым взглядом обвел весь этот враз начавшийся балаган и, отшвырнув ручку, гулко опустил ладонь на стол, отчего бумаги, лежащие на краю, даже немного подпрыгнули, а некоторые и вовсе слетели на мягкое покрытие, устилавшее пол.

– Хватит! Устроили тут! Смальцев все верно говорит. Но мы и так работаем не вынимая, так сказать, сами знаете, что задач перед нами стоит туева хуча. И нужно «всю ночь кормить, к утру – зарезать». Слушай, доктор, жду от тебя к вечеру предложения по организации учебного процесса для младшего и старшего медперсонала, а так же перечень необходимого оборудования и места, где его можно достать. С этим вопросом все. Что у нас там с электричеством?

– Разрешите? – опираясь о стол руками, поднялся довольно упитанный мужик лет пятидесяти в рабочем комбинезоне. – Монтаж солнечных панелей практически завершен, осталось, чтобы «медузы» протянули под водой кабель до вводной кабельной сборки на территории части. Чтобы увеличить глубину резервирования питания, нужны дополнительные аккумуляторы. Пока по соотношению расчетной мощности возможных потребителей и емкости имеющихся аккумуляторов в случае отключения основного питания, мы можем дать не более двух с половиной – трех часов в пиковой нагрузке.

– А подключать поэтапно есть возможность?

– Есть, но нужен проложенный кабель.

– Ну тогда и подключайте, – перебил того Жмурко. – Так, заместитель по надводным силам, организуйте прокладку кабеля. Маршрут уточните у энергетиков. А вы в свою очередь не тяните резину в долгий ящик.

– А где я вам кабель возьму? И чем я его проложу?

– Хоть рожай, мне фиолетово. А прокладывать – вон, в Куриной⁶ стоит КИЛ⁷. Берешь своих водоплавающих, приводишь его в кондицию и вперед. У тебя есть неделя. То есть во вторник доклад о выполнении. И не дай Бог не будет в срок, я тебе и твоим медузам жопы разваляю.

– Есть. – Зам по надводным своим выражением лица восторга и оптимизма не излучал.

– Энергетик, все тэтэха⁸ кабеля доложить Сыромятникову.

– Слушаюсь! – по-военному рывкнул энергетик, едва не козырнув, но остановив руку на полпути, поняв всю абсурдность ситуации, как-то смялся и демонстративно почесал затылок.

⁶ Куриная (Инженерная) балка, давшая название одноименной бухте

⁷ КИЛ – кабелеукладочное судно

⁸ ТТХ – тактико-технические характеристики

Выходили все из кабинета шумно, словно на деревенской свадьбе, не хватало ряженных цыган и замполита с бубном. Доронин, махнув Виктору что-то неопределенное, умчался вслед за начштаба, на ходу вынимая из нагрудного кармана какой-то листок. Сто процентов этот жук уже и список необходимого вооружения приготовил. При том заранее, потому как на совещании никаких записей в этом направлении он не делал.

Что ж... Придется шагать домой ногами. Хотя сперва стоит заглянуть на базу и по базам попытаться найти того самого любвеобильного электрика.

31 августа, Анна Митрофанова, санчасть Казачинского гарнизона

Тук-тук. Тук-тук-тук. В кабинет постучали.

– Войдите! – машинально ответила Аня, отрываясь от чтения учебника по военно-полевой хирургии, ведь скоро должна была прийти пациентка по записи.

Дверь открылась, но вместо ожидаемой женщины в нешироком проеме показался широкоплечий мужчина.

– Разрешите войти? – по-военному спросил он.

Аня удивленно с толикой интереса глядела на него. Почему-то он казался ей знакомым, но вспомнить, где именно могла его видеть, так сразу и не смогла.

– Проходите, но вы не ошиблись кабинетом? Здесь как бы женская консультация. – Улыбнулась Аня, отмечая растерянность, проскользнувшую на лице коренастого блондина в серо-черном «беркутовском» камуфляже с капитанскими погонами на плечах. Мужчины обычно так и реагируют на чисто женские вопросы.

Именно камуфляж и нашивка с распахнувшей крылья птицей подняли нужные страницы памяти. Этот мужчина был командиром «беркутовцев», которые помогли вывести оставшихся в живых рожениц роддома. Да и потом, когда пришлось несколько дней жить в здании Гагаринского РОУМВД, она не раз видела там парней в сером пятнистом камуфляже, «камке», как говорили местные. Потом Аня и часть людей переехала сюда, а «беркутовцы» в другое место.

– Нет. – Ответил тот, но тут же поправился. – В смысле, не ошибся. Я уточнил – вы же присутствовали на операции Васильева Николая?

Аня задумалась и прикрыла книгу. Мужчина скользнул взглядом по названию, пропечатанному на обложке, и чуть повел бровью, но промолчал.

– А когда операция была?

– Вчера. У вас что, так много операций бывает?

– Случается, – вздохнула Аня. – Вы присаживайтесь. Да, я вчера присутствовала на операции. Но тот ли это человек, о котором вы спрашиваете – не могу сказать. Как-то не довелось поинтересоваться его паспортными данными.

– Да, я понимаю. Моего друга привезли с ранением живота.

Аня с готовностью кивнула.

– Да, что вас интересует? Но сразу говорю – все нюансы лучше спросить у оперирующего хирурга Ивана Сергеича. Я всего лишь медсестра.

– Я пытался к нему прорваться, но он очень занятой человек. А на посту мне посоветовали обратиться к вам.

– Да? Странно. Ну чем смогу – помогу.

– Как к вам можно обращаться? – улыбнулся здоровяк.

– Аня. Анна Михайловна Митрофанова.

– Митрофанова? – удивленно почесал затылок собеседник. – Очень приятно. Дмитрий. Матвеев. А вот матушка моя по совпадению тоже Митрофановой была в девичестве. Так что я легко запомню вашу фамилию. Интересное совпадение.

– Действительно, интересное. – Скорее из вежливости согласилась Аня. – Так что вас интересует, Дмитрий?

– Мой друг... Какое его состояние?

– На сколько я знаю – тяжелое. Вчера его прооперировали, удалили часть тонкой кишки. Да и вообще кровопотеря была большая. Но мы сделали все, что смогли. Ему вообще повезло, что он живой остался.

– Это да. Повезло. А скажите....

Продолжить капитану не дала, наконец, пришедшая на прием посетительница.

– Ой, а что, занято?

– Товарищ капитан, вы меня извините пожалуйста, но у меня прием.

– Конечно-конечно! Я могу вас подождать? Все же хочется немного поподробнее узнать за Кольку.

– Можете, но я не очень понимаю, чем я могу вам помочь. Я, действительно, очень мало знаю.

– Но в любом случае... Я могу вас подождать?

– У меня пересменка будет через час. Потом заступаю на дежурство на пост, будет лишние два часа – надо ребенка забрать и отвести к знакомым.

– Хорошо. Я понял. Буду ждать.

Капитан в сером камуфляже не обманул. Когда Аня, переодевшись в сарафан и забрав рюкзак с Каринкиными вещами, вышла из здания медсанчасти, мужчина, представившийся Дмитрием, стоял неподалеку под раскидистым старым кипарисом, пиная многочисленные круглые шишки, лежащие то тут, то там в опавшей плоской хвое.

– И снова, как говорится, здравствуйте.

Аня кивнула в ответ, но промолчала. Из головы не выходил разговор с Ленкой. Аня по доброте душевной предложила позаниматься, повторить инструменты. Но та почему-то разозлилась и наорала, чтобы Аня не лезла не в свои дела.

– Вы знаете, у меня не так уж и много времени. Поэтому давайте поговорим по пути. Но я повторюсь – не знаю, чем могу помочь.

Девушка быстро зашагала по аллейке в сторону КПП, собеседник последовал за ней широким размашистым шагом.

– Да я уже понял.

– Ну, слушайте. Пациент поступил с огнестрельным ранением живота и конечностей. Был прооперирован, операция была довольно сложная и требует длительного восстановления. Большая кровопотеря.

– Нужно кровь сдать?

– Не знаю, если честно, я совсем в другом конце здания сегодня находилась. Но заступлю на пост, смогу узнать.

Аня показала картонку своего пропуска, дежурный на КПП приветственно кивнул. Но тут же вытянулся при виде сопровождающего подходящего к проходной мужчины. Этого Аня не заметила – как раз убирала пропуск во внутренний кармашек рюкзака.

– Здравия желаю!

– Здорово! О! Димон! Ты какими здесь судьбами? Или решил принять мое предложение?

Аня повернула голову на знакомый голос. К пропускной подходил Никитин, широко улыбаясь. Девушка замешкалась и даже сначала и не поняла, что направлялся Виктор к ее спутнику. Аня удивленно подняла глаза на него.

– О! Витек! Здорово! Нет, пока не надумал, – еще несколько месяцев назад Никитин предложил Матвееву и его бойцам перебраться в этот гарнизон, но тогда Дмитрий ответил неопределенно, уклонившись от ответа. – Да вот, за кореша своего узнавать приезжал.

– Это из тех, пострелянных что ли? Которые колонну сопровождали?

– Так точно, – кивнул Матвеев. – Вот, познакомился с сестричкой, что на операции была, хочу узнать, чем можно помочь нашей доблестной медицине в общем и ей в частности.

Беркутовец подмигнул девушке, но Аня сохраняла завидную невозмутимость.

– Здравствуйте Анна Михайловна. Рад вас видеть.

– Виктор Иванович... – Аня приветственно кивнула и торопливо отошла в сторону из вежливости, чтобы не мешать чужому разговору. Было немного неудобно ждать, словно подслушивая чужую беседу, поэтому она решила идти за Каринкой. – Простите, я пойду. Спешу.

Дмитрий сразу всполошился, дернувшись вслед за уходящей Аней.

– Витёк, ты извини, я потом зайду к тебе, дело есть. А пока мне нужно закончить разговор. Там парень мой при смерти...

– Ну, давай... – растерянно ответил Никитин, провожая взглядом удаляющуюся фигурку Ани и догоняющего ее Матвеева.

Аня же словно раскаленное железо чувствовала на себе его взгляд, но, собрав волю в кулак, сдержалась и не обернулась. Незачем. Все было сказано уже тогда. И с того времени ничего не поменялось. У нее было время обдумать всю ситуацию, она вообще всю свою жизнь была вдумчивой девушкой. Возможно, даже чересчур, что иной раз скорее мешало, чем помогало.

Она пыталась разобраться в своих чувствах, и чем больше она мысленно препарировала себя, тем хуже ей становилось. Ей было стыдно за тот разговор, за свои слова, за свое последующее позорное бегство и боязнь вновь где-нибудь случайно встретиться. Поэтому и нагружала себя работой, учебой и изучением полевой хирургии, практически забросив названную дочку Каринку. А ведь ребенок не игрушка, нельзя сначала взять, а потом вернуть, дескать, заберите, не подошла. Малышке и так досталось...

Спасибо Оксанке и Зинаиде Максимовне, те с пониманием отнеслись к Аниным сбивчивым объяснениям о причине переезда и с радостью брали Каринку, когда медсестре выпадало ночное дежурство на выходных. С понедельника по пятницу Кариша была в интернате, под который выделили второй и третий этаж одной из казарм, а вот на выходные детей разбирали родители, родственники и опекуны.

Вот и сегодня ей нужно было успеть за неполные два часа заскочить на импровизированный рынок – поискать девочке обувь, из старых сандаликов та уже выросла, а после забрать Каришу с интерната, закинуть ее к Зинаиде Максимовне, после чего успеть вернуться в санчасть.

– Вы зря ждали меня. Мне вам больше нечего сказать. Вы бы воспользовались моим советом и обратились бы к начмеду.

– Да-да, я все понял. Вы мне скажите – может, вам помощь какая нужна?

– Мне? – переспросила Аня, не очень понимая, чем ей лично может помочь этот человек. – Нет, спасибо.

– Может, лекарства какие нужны?

– Лекарства всегда нужны. Сами понимаете, в какой мы ситуации... – Аня остановилась, повернувшись к «беркутовцу». – Но вам, правда, лучше к начмеду. И про лекарства тоже лучше у него узнать. Вы меня извините. А мне еще на рынок и за ребенком. Извините.

31 августа, Виктор Никитин, морг Казачинского гарнизона

Позавчера, после планерки, Никитин, как и приказал Жмурко, терпеливо дождался пока все выйдут, и еще около часа был занят тем, что расспрашивал все нюансы произошедшей засады, скурпулёзно записывая ответы в свой блокнот, дабы потом в спокойной обстановке можно было пораскинуть мозгами. Он тщательно записывал в свой блокнот ответы на вопросы – все детали, всех ключевых сотрудников, что курировали движение бензовозов.

Но вот отправиться в санчасть, вернее в то крыло, что было отведено под морг, ему удалось только на следующий день.

В такую жару трупы долго хранить было невозможно, вот и сейчас едва войдя в слабо освещаемый «предбанник», Виктор ощутил ни с чем не сравнимый въедливый и сладковатый запах начавшего разлагаться трупа. Успев вдоволь насладиться ароматами живой мертвечины, Никитин мог с точностью утверждать, что обратившийся труп и «свеженький» отчетливо отличались по запаху, а потому полагаться не только зрение и слух, но еще и обоняние стало входить в привычку. И уже пару раз спасало ему жизнь.

Воздух в «предбаннике» был густой словно кисель, и в этот кисель из трупной вони, запаха спирта и формалина Виктор и окунулся, прекрасно понимая, что после посещения морга придется перестирывать всю одежду, иначе парни со свету сживут. Да и самому тоже будет не коммльфо благоухать на всю округу – люди ж шарахаться начнут, а собаки нервно подвывать. А в темноте если не ответить патрулю, то и за зомбака могут принять да пулей меж глаз наградить.

Не успел Виктор в деталях представить вышеописанную картинку, как ему навстречу из соседнего помещения вышел старик лет семидесяти, одетый, как и большинство местных в камуфляж, хоть и весьма застиранный на вид, переживший не один десяток лет.

– Слушаю вас, молодой человек.

– Добрый день. Я – капитан Виктор Никитин, исполняющий обязанности начальника особого отдела, – при этих словах старичок едва ли не по стойке смирно вытянулся, словно должность, на которую Виктора совсем недавно назначили, сработала как триггер. Все же почтение к органам у людей старшего поколения въелось на подкорку. Ну да Виктору это было только на руку.

– Мне нужно осмотреть трупы, доставленные сегодня.

– Так точно! Сделаем! Следуйте за мной. Я так и знал, что их еще будут осматривать, так что пока не спешили утилизировать.

– Это правильно. Хотя аромат такой у вас...

– Ну а что ж поделаешь. Издержки профессии. – Старик из бокового кармана брюк вынул носовой платок веселой расцветочки, оттуда же появилась на свет небольшая бутылочка с желтоватой жидкостью, оказавшейся не чем иным, как дешевым одеколоном. После чего щедро окропил платок этой ядреной субстанцией, своим ароматом отогнавшей даже приевшийся трупный запах, и протянул платок Виктору.

– Мое ноу-хау!

– Чего? – не понял сразу Виктор.

– Через платок дышите, говорю. Эта дрянь такая вонючая, что даже трупняки не пробуются.

Виктор платок принял и поблагодарил.

– А вы? – прогундосил он сквозь платок, чувствуя, как теперь от «духалона» начинают слезиться глаза.

– А я привычный! – махнул рукой старичок и бодренько направился в сторону старенькой двойной двери, в несколько слоев крашенной белой краской, открыл ее и приглашающим жестом позвал за собой Виктора.

– Вот там ваши, в том углу свалены. Сейчас я фонарь найду, а то темновато здесь.

– Да, есть немного...

Чтобы не держать все время платок рукой, капитан повязал его на манер бандитов Дикого Запада, как их показывали в вестернах, ну или на манер Пятачка из советского мультлика, так что руки теперь были свободны.

– Ну так а что вы хотите? Подвал фактически.

Пока старик пошел искать фонарь, Виктор направился к трупам, что сперва принял за кучу тряпья, по ошибке сваленную возле стены. Но куча оказалась телами, лежащими друг на друге. Человеческими телами, чью природную наготу скрывало только нательное белье. Одежду, как и обмундирование с оружием, по предположению Никитина, оставили на складе. Что ж... Туда тоже придется заглянуть.

– А чего они у вас так...

– Ну так, бандиты же. Чего с ними церемониться? – дед едва не плюнул в сторону ближайшего тела, остекленевшими глазами глядевшего куда-то в сторону небольшого окошка под самым потолком, словно пытаясь увидеть, что там, за светлым прямоугольником оконного проема.

– Ладно... Давайте начнем, вот этого что ли оттащим.

Виктор со стариком вдвоем, схватив тело за обмякшие руки-ноги (трупное окоченение уже спало – времени с момента наступления смерти прошло достаточно), лежащее сверху, оттащили его немного в сторону, чтобы можно было лучше рассмотреть детали. Хотя что там было рассматривать? Виктор жмуриков еще на службе навидался. Хоть городок был и небольшим, не «бандитский Петербург», но трупы образовывались с завидным постоянством. В большинстве случаев по пьяным разборкам в курортный сезон или банальная бытовуха, но иной раз и местный криминальный элемент давал о себе знать. Классических разборок в стиле «90-х» с расстрелами кабаков или взрывами машин Виктор не застал по малолетству лет на тот момент, но и в «нулевых» своего криминала хватало. Так что желтоватые восковые тела с небольшими фиолетово-лиловыми следами стекания крови под действием силы тяжести никаких бурных реакций уже не вызывали. Виктор, наверное, мог целый трактат написать о виде трупных пятен и зависимости их от причины смерти. Так и здесь – из-за большой кровопотери, причиненной излишком свинца в организме, характерные пятна имели не ярко выраженный цвет и небольшой размер.

– Ну-с давайте-с посмотрим-с... – пробормотал скорее себе под нос старик, добавляя старорежимное «с» к концу каждого слова.

Хотя рассматривать то и особо нечего было.

Дед стоял с фонарем в руках и направлял на те места, куда говорил Виктор. Было явно, что ранения, полученные им, не оставили тому ни единого шанса на жизнь – пули прошли руку и грудную клетку в трех местах, прострелив сердце, контрольный в голову же, скорее всего, был произведен с целью не дать трупу обратиться. Стреляли со спины, а потому лицо этого человека теперь мало чем могло помочь – его словно смяла чья-то гигантская рука, что очень сильно исказило черты лица.

Виктор неслышно чертыхнулся, пожалев, что не взял с собой фотоаппарат, без которого все эти осмотры до одного места.

– Я сегодня пришлю кого-нибудь, чтобы сфотографировал трупы и откатал пальчики – вдруг по базе удастся пробить. – Хотя на планерке и говорили, что тела фотографировали, но чем бегать и искать того человека, проще самому все сделать.

– Да ради бога! Эти уже никуда не торопятся.

Виктор тщательно осматривал тела, записывая в блокнот особые приметы – шрамы, татуировки, родинки, не зная, что и когда сможет пригодиться в дальнейшем.

– Вы не против, если жмурики пока так полежат? Они вам не помешают?

– Мертвячки что ль? Нет, конечно. Пусть лежат. Но вы там со своим фотографом потопитесь. А то завтра здесь дышать нечем будет.

Виктор чуть слышно хмыкнул – словно сейчас тут благоухающие сады Семирамиды.

– Хорошо. Спасибо.

– Вас проводить?

– Да нет. Не заблужусь.

Никитин быстро вышел на улицу, буквально сорвал с себя платок и сделал глубокий вдох – после спертого и пропитанного мертвечиной помещения, сдобренного ядреным запахом дешевого одеколona, свежесть воздуха ощущалась как нельзя острее – и привкус соли, и нотки хвои... даже пыль обладала своим ароматом.

Никитин глянул на часы – через час к отделению должны подойти те самые обещанные офицеры, что с подчиненными им солдатами должны помочь в оформлении паспортов и прочей рутинной работе, которой с каждым днем все прибывало и прибывало, но из-за небольшого штата подчиненных и вечного аврала, некогда было делать.

Вот и сейчас в отделении, состоящем всего из двух смежных комнат, одна из которых была отведена под что-то напоминающее склад, а вторая под все сразу, присутствовал только Володин – остальные были кто где, кто на выезде на блокпосту, кто присутствовал в составе комиссии, занимающейся обследованием и распределением имеющейся на территории жилплощади, а кто на КПП пропуска выписывал.

– Начальству салют! – поприветствовал вошедшего ВэВэ и как-то странно заводил носом.

– И тебе не хворать. Где все?

– Там, куда направили. А что?

– Да ничего... Надо взять фотик и в морг смотаться, тамошних жмуров запечатлеть во всех ракурсах.

– Оригинально. Фотосессия для жмуриков. А ты оттуда? – Володин демонстративно покрутил носом.

– Нет, блин! Магазин модного парфюма посетил. – Виктор понимал, что тут никакой дедукции не нужно. Достаточно обладать обонянием. Это вон знакомцу одному из старой жизни с немецкой фамилией Лутшер было в некоем роде хорошо – он после удара по башке с последующей контузией запахи не слышит от слова совсем, так что вот его бы в морг и засылать. Так не пойдет же. Скорее настойчивого собеседника туда отправит. Как в прямом, так и в переносном смысле.

Да и где его найдешь? Где он сейчас? Жив ли? Скорее всего, жив. Мужик он был головастый, да еще и бывший взвэшник, хотя бывших не бывает – с какой стороны держать оружие руки точно не забыли. Так что шансы выжить у него были весьма не плохие. В принципе, можно было просмотреть базы по проживающим. Глядишь, и отыщется старый знакомец. Лично Никитин документы на Лутшера не подписывал, но он же и возглавил РОВД относительно недавно, а до того отдыхал в на больничной койке. Так что знакомец мог пройти и мимо него. А мог и вовсе оказаться в «Золотой балке». Не говоря уже о возможности осесть где-нибудь в небольшом селении, коих на просторах Крыма было не счесть.

– Ла-адно. Надо Оксанку позвать – она и так тут круги нарежает, не знает, куда свою неумную энергию приложить.

– Точно, она как раз сегодня хвасталась мне, что бывала в морге... Пусть еще раз навестит тамошних покойничков. Володин, ты на машине?

– Обижаешь, начальник... – протянул на одной ноте вечный водитель.

– Тогда стоняй за Сенькой, и пусть фотик прихватит.

– Так он здесь.

– Ну тогда, вези Оксанку сюда. Буду ей боевую задачу ставить. И слушай, загляни там ко мне, прихвати че-нить из одежды, а то мухи скородохнуть в округе начнут.

Пока Володин катался за девчонкой, Виктор приготовил все бумаги и включил имеющийся тут же компьютер. Не смотря на жестко лимитированные мощности электричества, отделение все же было электрифицировано, чем его подчиненные нагло пользовались, используя компьютер не всегда по назначению.

Виктор сходил на склад, нашел там среди множества коробок нужную, на которой крупными буквами было написано «картотека», перенес ее в комнату, матюгнувшись про себя – коробка была более чем увесистая. Комп как раз пикинул стандартной мелодией через дешевые скрипящие колонки, предупредив о своей загрузке.

Оргтехнику, как и многое другое, на склад доставляли из брошенных квартир. Без общей электрификации компьютеры, оставленные в домах и квартирах, все равно были бесполезным хламом, а так они служили своим целям.

Виктор пару раз кликнул по нужной иконке рабочего стола, запуская выполнение программы, в которой и велась нужная база. Вести ее именно в этой программе Виктору подсказала Оксанка – их в школе тому учили, вот она и применила эти знания на практике. И капитан был вынужден признать абсолютную ее правоту, одно лишь только доставляло неудобство – в этой программе не был организован сетевой доступ к данным. Поэтому каждый раз дежурному на въезде в периметр приходилось связываться по внутренней связи с отделением, чтобы пробить по МВД-шной базе въезжающих на предмет различного рода правонарушений. После того, как в бумажные бланки будут внесены все данные и выписаны пропуска, к концу вечерней смены на КПП дежурный должен был принести в отделение все записи, которые после должны были быть внесены в электронную базу. В общем, ненужных телодвижений было слишком много. А если планировался выезд в город, то сперва пропуска выписывались тут, на месте, после согласований с ответственными лицами, а уж только потом дежурный до вступления на пост, все забирал.

И вот теперь Виктор мог посадить несколько человек работать с базой, без отрыва основного состава от других не менее важных дел.

Входная дверь резко распахнулась, грохнув о стоящую чуть правее от нее тумбу. В помещение диким ураганом ворвалась Сенька, плюхнув на стол сверток белого пакета одного из бывших сетевых магазинов и мяукнув что-то типа «Это вам!», пронеслась мимо Виктора, заглянула в недра соседнего стола, нетерпеливо пошарила там рукой, что-то бормоча себе под нос. Наконец, цифровой фотоаппарат был найден, Оксанка, едва не подскакивая от радости, исчезла так же стремительно, как и появилась, только бросив на ходу: «Спасибиче!».

– Да не за что... – только и успел ответить капитан и отправился в подсобку переодеваться. Грязную одежду он аккуратно сложил в тот же пакет, а сам пакет тщательно свернул. Помыться не мешало бы, но это теперь только вечером.

Прежде чем в дверь тактично постучались, прошло минут двадцать, помимо того, что успел переодеться, Виктор даже успел выиграть в «Сапер» на максимальном поле и пару раз разложить «Косынку». Ну а что? Вот придут новые ребята – им и карты в руки по внесению данных.

– Разрешите?

– Войдите, – Виктор быстро кликнул по крестик закрытия окна, ибо не солидно представляться в несерьезном свете перед новыми подчиненными, и всем телом развернулся в сто-

рону входящих. Их было трое, как и обещал полковник, мужик лет пятидесяти с густыми и седыми усами-щеткой да двое флотских младших лейтенантов немногим старше двадцати в черных форменных кителях да кремовых рубашках.

Мамлеи создавали впечатления «пиджаков», закончивших военную кафедру, ибо форма на них пока еще сидела, как на корове седло. Хотя, может, это недавние выпускники «Нахимки»⁹? По возрасту очень даже подходят – молодые, зеленые.

А с другой стороны – может оно и к лучшему. Виктору-то что нужно? Чтобы база велась, не строевая или огневая подготовка, а мозги. ... У человека с высшим образованием, пусть даже незаконченным, в силу сложившихся обстоятельств, вероятность наличия тех самых мозгов резко возрастала.

– Нам приказано поступить в ваше распоряжение, – козырнул один из лейтенантов – с огненно-рыжими бровями и со щеками, рясно усыпанными веснушками. Его мысленно Виктор тут же обозвал Рыжим.

– Если честно, то приказано им, а я сам вызвался. – Широко улыбнулся усатый дядька и протянул руку. – Михалыч.

– А имя?

– Можно просто Михалыч.

– Капитан Виктор Иванович Никитин, начальник отделения и временно исполняющий обязанности начальника особого отдела, – все же по-полной представился Виктор.

– Младший лейтенант Облепихин. – Виктор кивнул рыжему.

– Младший лейтенант Дормидонтов. – Этот же заработал погоняло Длинный – за рост в комплекте с худобой.

Лейтенанты вновь выдали «лапу-к-черепу».

– Кто старший?

– Я! – шагнул вперед Длинный.

– Погоди, лейтенант. Дай взрослым все обсудить.

Лейтенанты растерянно переглянулись, но Михалычу уступили.

– Ну, капитан, вводите в курс дела. Что, куда, где и как? Это – рабочее место? – кивнул он на еле слышно гудящий компьютер.

– Оно самое. Значит, смотрите сюда. При том вы тоже, – подозвал поближе к себе вояк Виктор. – Мне нужно, чтобы все были в курсе, чтобы была взаимозаменяемость. Вот – программа, запускается отсюда. Специально ничего никуда не прячу, все на рабочем столе. Программа, по сути, повторяет все то, что записывается на бумаге. Поэтому помимо первоначального ввода данных, нужно еще ввести то, что записывали на бумагу. Все вот здесь.

Виктор пару раз ногой постучал по стоящей возле стола коробке.

– Чистые бланки на паспорта, жилые ордера и выездные документы вот там, на полках, в коробках. На коробках все написано, не перепутаете.

– А если бланков не хватит? – всполошился Рыжий.

– Да должно хватить...

– А если не хватит? – все же настаивал тот.

– Ну а если вдруг бланки закончатся, то сделаете такие же в том же Ворде.

– Сделают – сделают, – согласился Михалыч.

– Самое главное, прежде чем выдавать пропуск, внимательно проверяем клиента по МВД-шной базе. Она вот здесь. Там все легко, вбиваете в поиск ФИО, что на бланке и ищите. Хорошо, если есть ксива с фото – паспорт, права да хоть пропуск на работу или студенческий... тогда по базе еще и внимательно фото изучаете.

⁹ Высшее военно-морское училище имени Павла Степанович Нахимова

– Так это сколько же нужно времени, чтобы проверить все?! – слишком эмоционально удивился младший лейтенант Дормидонтов.

– А вы как думали? Зря что ли тут такая коробка с бумажками накопилась?

В дверь постучались, и тут же вслед за стуком вошел мужичок в робе.

– О! А вот и попрактикуетесь.

– Я щось нэ поняв... – растерянно замялся дядька. – Я нэ вчасно, чы шо?

– Вовремя, вовремя, – заверил его Виктор, прекрасно поняв южный диалект. Его вообще все в городе понимали, даже те, кто делал вид, что не понимает. – Проходите, дорогой товарищ. Что у вас?

– Та мэни, мне то есть, пропуск на завтра.

– В город? – уточнил капитан.

– Да-да, в мисто. – Яро закивал дядька. – В город то есть.

– Ну, проходите. Давайте путевку.

– Так а до кого? К кому то есть?

– А вот, к товарищу лейтенанту. Дли... Дормидонтов, идите сюда. Показываю.... – Виктор принял путевку, что держал в руках работяга, и присел на стул, достав из ящика толстенный журнал. – Сперва записываете вот сюда, потом дублируете на отдельный бланк – утром следующего дня его забирает дежурный на КПП, и именно по нему он выпускает машины с личным составом. На этой бумажке ставите подпись, – Виктор размашисто расписался, – а вечером дежурный с КПП приносит ворох таких бумажек от тех, кто вернулся с города. В идеале количество выехавших должно совпадать с количеством вернувшихся. Все. Вопросы?

– Мэни вже всэ? – мужик в робе держал в руках пропуск. – Йты можу?

– А, да-да. Можете идти.

Дядька быстро вышел, а капитан обратился к присутствующим:

– У вас вопросы-то есть?

– В компьютер вносить надо? – поинтересовался Михалыч.

– Некуда вносить.

– Могу подсобить, забавать небольшую программку.

– А что, умеете?

– Ну, не Билл Гейтс, но кой-че умею. – Виктор сразу смекнул, что дядька скромничает, и мысленно потер руки.

– Лишним не будет. Главное, в бумажках не напутайте ничего.

– За это не беспокойтесь, – заверил Виктора Михалыч.

– А вообще часто в город мотаются? – поинтересовался Рыжий.

– Да когда как...

– Ясно...

– Да не унывайте вы так.

– Да что тут! – раздосадовано махнул рукой Рыжий. – Я – здоровый мужик, – тут уже Виктор едва сдержался, чтобы не хмыкнуть, потому как пацан себе льстил, – а заниматься буду черт те чем. С этим же любая баба справится.

– Ну, любая не любая, а прислали вас. Так что служи там, где назначили. В общем, разбирайтесь...

Виктор привычным похлопыванием проверил наличие оружия и направился к выходу.

– А вы куда?

– А это военная тайна. Всего доброго.

Снарягу нападавших, как и предполагалось, быстренько присвоили себе парни из разведоты – чего добру пропадать. Кровь отстирали, просушили, кой-че залатали и пустили в дело. Но осмотреть Никитину не удалось – бойцы разведбата редко подолгу сидели без дела. Вот и сейчас, как оказалось, отсутствовала по месту постоянной дислокации. Когда вернутся,

никто не знал, а если быть точнее, то просто не говорили. Ну да форму и потом можно глянуть, а вот на место засады выбраться придется – хотя бы для того, чтобы своими глазами осмотреть место.

7 сентября. 10-00. Виктор Никитин, Ленинский район г. Севастополя

– Виктор Иванович, а мы ща на базу? – парень, так уговоривший капитана Никитина взять его в город, начал уже порядком раздражать своей неумной болтливостью. Он все ерзал, крутился, постоянно что-то спрашивал, впрочем, вел себя как обычно. Но обычное его поведение, вызывающее только усмешки на базе, а на, по сути, боевом задании нервировало и раздражало. Виктор уж раз десять пожалел, что поддался на уговоры.

– Макс, меньше разговоров, по сторонам поглядывай, – посоветовал Коля Кузин, небрежно забрасывая в открытый багажник очередную картонную коробку, вынесенную из полуподвального помещения, в котором располагался небольшой магазинчик, торговавший социально ориентированными товарами.

В таких магазинчиках любили отовариваться пенсионеры из-за более чем демократических цен. И в них же было все – от подсолнечного масла в пятидесятилитровых пластиковых емкостях до коробок с конфетами и консервами. В общем, все то, что было востребовано в новой жизни. А востребовано было все – просто выйти из дома и зайти в ближайший магазин уже не представлялось возможным. А те немногочисленные лавочки, что открывались на территории части, были наполнены вот таким вот экспроприированным товаром. Командование пока прикрывало глаза на подобное проявление малого предпринимательства, полагая, что хоть малый отблеск былой жизни лучше того военного коммунизма, который был в первые недели после Беды, когда единственной возможностью поесть была столовая – для работников и полевая кухня для беженцев. Хотя слово «был», наверное, не уместно. Она и сейчас оставалась, просто, если кому не терпелось выбраться в «зачумленный» мертвецами город, рискуя собственной жизнью, для того, чтобы опустошить очередной магазин, то это было только его собственное решение.

Конечно, в город выбирались не только за скарбом. Основные крупные торговые центры и строительные супермаркеты, складские помещения, содержащие в себе столь необходимые в новой жизни товары, были опустошены в течение двух месяцев после начала Катастрофы. Имущество вывозилось целыми грузовиками, вычищая все склады под ноль. Мародеры, то и дело шныряющие по городу, добивали то, что не успели военные. Нередко случались и стычки в городе, перерастающие в краткосрочные боевые столкновения. Время такое стало – люди и раньше не отличавшиеся человеколюбием, теперь и вовсе стали какие-то нервные, готовые стрелять сразу, не разбираясь, что к чему.

Мертвецы и вовсе стали восприниматься, словно предметы фантазмагорического антуража, мозг отказывался более воспринимать эти замызганные фигуры в качестве человеческих существ, которые некогда жили, любили, верили во что-то, мечтали... Наверное, это была своего рода психологическая защита. К тому же за прошедшее время зомби мало напоминали тех, кем они были при жизни: лица их посерели, а на некоторых и вовсе были видны следы разложения, слипшиеся от крови и грязи волосы колтунами висели или торчали в стороны, одежда же и вовсе навевала печальные мысли.

Официально, в этот раз задачей небольшой группы из трех машин и десяти человек было поиск выживших с попутным отстрелом умерших. Как ни странно, но даже спустя пять месяцев прихода нового мира, иногда удавалось встретить в городе тех, кто как-то умудрился не только выжить в первые дни Беды, но и удачно противостоять ей в течение всего времени. Это и вовсе кажется удивительным, исходя из отсутствия электричества и водоснабжения в городе, помимо основополагающих неприятностей. В основном, конечно, выживших удавалось отыскать в частном секторе, располагающемся на окраинах города. В центре и в спальных районах

уцелеть было невыполнимой задачей – квартиры превращались в ловушки, где людям только и оставалось, что умирать от жажды, не имея возможности выбраться, узкие придомовые проезды, загроможденные машинами или перекрытые бетонными блоками, преодолеть без знания пути проезда было невозможно.

Сколько людей так погибло, желая проскочить дворами, чтобы миновать заторы на основных путевых артериях города с их вечными пробками, только усилившихся с паникой, и, не зная объездных путей, натываясь на перекрытый несознательными гражданами проезд.

Виктор еще по мирной жизни помнил случаи, когда приезжаешь на вызов, и водитель не может во двор заехать, потому что дорога попросту перегорожена – или блок лежит, или столбики железные вбиты. И никаких аргументов для таких перекрывальщиков не хватает – хоть ты им сто раз будешь объяснять, что придомовая территория не их частная собственность, что по этой дороге в следующий раз не доедет скорая помощь или пожарная бригада. Но жители остаются непреклонны, искренне веря в свою правоту и желая сохранить свой комфорт, абсолютно не задумываясь, чем это может обернуться им в случае опасности.

Второй же проблемой были мутанты-зомби, от которых не скрыться было даже в высотках или за высоким забором, служащим преградой для обыкновенных, не продвинутых особей. Эти машины для убийств с легкостью могли карабкаться по отвесным стенам домов, цепко держась огромными когтями, проходящими в бетон, как горячий нож в масло.

В общем, проблем в городе хватало, поэтому просто так выбираться за крепкий забор гарнизона всем, кому приспичит, было нельзя. Только по пропускам и с официальным боевым заданием. Вот и Виктор официально выполнял поручение. Но это официально, а неофициально – разведывал еще не разграбленные магазины с возможностью пополнения запасов продовольствия.

Проскочив район Камышовой бухты окраинами, коими считался Столетовский проспект – довольно широкая для города дорога с минимальной вероятностью попасть в засаду, выходящая на два некогда оживленных автомобильных кольца. Выбор был прямо как у былинных богатырей: направо да налево. Налево была балка, плотно заставленная машинами, и выходящая к студенческому городку одного из старейших ВУЗов города, готовившего технических специалистов, второе же кольцо позволяло окраинами проскочить в другой район города. Конечно, дороги там были так себе, а скорее даже не дороги, а направления, но и попасть в затор, в смертельную ловушку, там точно не грозило.

Именно Максим, так и уговоривший непоколебимого доселе Никитина взять его с собой, рассказал про этот магазинчик. И хоть пока было и лето, пускай оно и заканчивалось, но Виктор уже задумывался о том, как они будут переживать первую зиму в новом мире. Зимы в Крыму были сырыми, дождливыми и как ни странно холодными. Пусть не такими лютыми и снежными, как в центральной части материка, но высокая влажность давала о себе знать. Снижение температуры ниже пяти градусов и сильные ветра, пронизывающие человека насквозь, вызывало ощущение жуткого холода. Нередки бывали и морозы, после которых рвались плохо утепленные водопроводные трубы, а море у берегов покрывалось коркой льда, так же облачая в прозрачную слюду и прибрежные камни.

А тут как раз в воскресный день, когда случился неожиданный выходной, подаривший возможность выбраться на пляж, да и вообще провести день по своему усмотрению. Пока молодежь беззаботно плескалась в море, Зинаида Максимовна и мать погибшего товарища, приготовили завтрак и накрыли на стол на летней веранде, чтобы дружно попить чаю. Такие общие посиделки, возвращавшие еще в ту, докатастрофную жизнь, удавались уже нечасто. И не только из-за повседневной нагрузки. Совершенно чужие люди, волею судьбы вынужденные выживать, еще как-то приноравливались друг к другу, понимая, что для внутренних свар нет ни времени, ни сил. Но как только потребность выживать сменилась просто жизнью, начались хоть и небольшие, но участившиеся конфликты.

И в основном проблемы возникали между представительницами прекрасного пола. Что ни говори, все же двум женщинам на одной кухне ужиться было очень тяжело. Тем более каждая из них потеряла близкого человека. Зинаида Максимовна мужа, а Евдокия Антоновна – сына.

При том ссоры возникали и вовсе из-за пустяков. По крайней мере, с мужской точки зрения. Вот и сейчас почти все обитатели «милицейских» домов, не задействованные на дежурстве, собрались во дворе, под сенью летней террасы, а вот Евдокии Антоновны не было – не вышла, в своей комнате осталась. Никто и слова не проронил по этому поводу, тактично промолчав, да и тем для разговоров было более чем достаточно.

Во дворе было довольно шумно – девчонки щебетали, парни что-то живо обсуждали, иногда раздражаясь громким хохотом. Даже кот и тот лежал неподалеку, подставляя мохнатое пузо солнышку.

Зинаида Максимовна закинула два чайных пакетика в только что снятый с огня закопченный эмалированный двухлитровый чайник, оставив чай завариваться, и отозвала Виктора в сторонку.

Виктор, одетый только в удлиненные шорты и еще не обсохший после душа, называемым летним за счет нагрева воды природным источником энергии – солнечными лучами, сразу понял, что разговор будет точно не о погоде.

– Виктор, тут, в общем, такое дело... – начала издалека вдова бывшего начальника, совершенно автоматически потрепав по голове пробежавшую мимо Каринку, которая в последнее время частенько гостила у них в доме. Видно, у Ани работы прибавилось, раз ей приходится оставлять приемную дочку на посторонних людей. Хотя разве Зинаида Максимовна считалась Каринке посторонней? Она, скорее, была уже как бабушка. По крайней мере кто-кто, а малютка никакого смущения не показывала, полностью адаптировавшись и пообвыкнув.

– Зинаида Максимовна, вы меня пугаете. Что-то случилось? Опять?

– Да нет... – смутилась женщина, понимая, что имел ввиду Виктор, намекая на размолвки с Евдокией. – Не то, чтобы что-то страшное, но у нас подошли к концу запасы. Мы и так на них сидели достаточное время.

– Хм... Что-то я об этом как-то подзабыл, если честно. – К своему стыду признался Никитин. – Будем что-то думать. – Нет, Виктор подозревал, что рано или поздно крома, набитые еще весной, опустеют. Все же их было достаточное количество человек, большая часть из которых состояла из мужиков. – И на сколько еще осталось продуктов?

– Ну, – задумалась женщина, подсчитывая в уме расход продуктов, – такими объемами – неделя, не больше. А потом в столовку.

– В столовку не хочется... – поморщился Виктор.

– Ой, да нормальная там еда, я же пробовала.

– У вас вкуснее, – не скрывая столь явного подхалимажа, улыбнулся Виктор.

– Ну тогда нужно что-то думать, – развела руками Зинаида, заулыбавшись в ответ, как и всякая женщина, чью стряпню похвалили. – Тут уж никак.

– Хорошо. Что-нибудь да придумаем, – пообещал Виктор, а сам задумался. Нет, в гарнизонной столовой кормили вполне сносно, порой даже вкусно – это зависело от смены поварих, но с домашней стряпней, столовская еда и рядом не стояла. Да и не всегда его график совпадал с графиком работы столовой.

То ли дело здесь! Всегда что-то вкусенькое да найдется.

Так что информация была принята к сведению.

А тут как раз и рейд плановый наметился. Так что Виктор прикинул и решил, что лучшей возможности и не найти, отослал Колю Кузина за двумя знакомыми бойцами, у которых можно было разжиться грузовым «Транзитом» производства «Форд», да и в качестве огневой поддержки парни тоже не помешали бы. А сам задумался над тем, что не мешало и еще кой-

кого позвать. Да и не зря Никитин недавно про него вспоминал, словно чувствовал что-то. Даже базы просматривать не пришлось – помог банальный случай.

Юрка, спасшийся с женой и ребенком, «прибились» к группе Никитина совсем недавно, и Виктор ни разу не пожалел о том. Тем более, новый член команды тоже в каком-то смысле имел отношение к министерству внутренних дел – в спецназе внутренних войск МВД служил в свое время. Давно то было, но «бывших» в этом ведомстве не бывает. А так как коллеги Виктора больше по наработкам да по шпане всякой специализировались, то с определенными вопросами тактики и стратегии были знакомы мало. К тому же по своей воинской специализации старый знакомый был связистом-шифровальщиком, а по прошлой гражданской жизни – занимался системами видеонаблюдения и безопасности, да и в электрике немного разбирался, так что своим появлением Лутшер, а именно такую фамилию носил потомок немецких колонистов и по совместительству новый член команды, сослужил добрую службу их небольшому отряду.

Хотя, если честно, то полноценно и официально Лутшер не состоял в отряде Никитина. Так, помогал иногда, как смеялся сам – на субподрядах за сдельную оплату.

Юрку, огромного, широкоплечего и торчащего на самой верхушке не отличавшейся надежностью пятиметровой раздвижной лестнице, не обращавшего внимания на довольно таки ощутимый ветер, Виктор увидел совершенно случайно, но сразу же узнал. Хоть лет пять уж как не виделись, а то и больше. Да и в последнюю встречу у Лутшера отсутствовала борода и присутствовала более спортивная фигура.

– Немец, ты что ли? – закинув голову вверх, крикнул Виктор и не ошибся.

Потом разговор плавно перетек в посиделки, с признаками пьянки, потому как Юрку, как оказалось, вспомнили все присутствующие в доме. Еще бы! Служили-то в одном отделении. А Юрка, хоть и имел принадлежность к немного другому ведомству, периодически оказывался на патрулях с пэпээсниками. А там то с одними пересекался, то с другими, да и Севастополь, как говорилось, большая деревня. Все друг друга знали через общих знакомых. В общем, знакомиться заново ни с кем не пришлось, но за встречу выпили.

Оказалось, что попал сюда Лутшер с семьей не сразу. Мужик он был хоть и боевой, да вот с оружием в первые дни у него было тухло, ведь к началу всей катавасии он был человеком сугубо гражданским, что впрочем ему не мешало выжить и семью защитить. Уйдя со службы и переместившись в гражданское русло, он не утратил ни своих знаний, ни умений во всяком членовредительстве. Вот и первый ствол он получил путем отжима у неудавшегося грабителя. То ли грабитель был такой лоховитый, то ли немец заделался суперменом, но на первое время проблема с оружием была решена. Решили вырываться с семьей из города, да куда потом – не знали. Юрка озвучил было идею, что не мешало бы спрятаться в горах, да пересидеть там, пока все не утрясется, но быстро был переубежден, как после оказалось, более дальновидной супругой путем применения в качестве секретного оружия банальной женской истерики.

Та же была просто уверена в нерушимости единения народа и армии, что аж до крика заходила в идею, что нужно прибаваться к какой-нибудь военной части, где есть оружие и люди, умеющие этим оружием пользоваться. Так что здесь Юрий с семьей, по сути, оказался благодаря настоянию супруги. К тому же с его профессией электрика, слаботочника и связиста в придачу вопросов о полезности новому поселению конкретно этой ячейки общества не возникло. Юрия быстро пристроили к делу, поставив задачу восстановления электроснабжения гарнизона, а Дарья, его супруга, была принята в качестве учителя математики в школу при гарнизоне, куда сразу же был зачислен их сын.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.